

БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

ЛОГИКА, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФИИ

**Материалы Всероссийской конференции
с международным участием
«Логико-философский семинар
им. профессора В. Н. Брюшкина»
23—25 января 2025 года**

Научное электронное издание

**Калининград
2025**

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

ЛОГИКА, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФИИ

Материалы Всероссийской конференции
с международным участием
«Логико-философский семинар им. В. Н. Брюшинкина»
23—25 января 2025 года

Под редакцией Л. С. Сироткиной, А. Г. Пушкарского

Научное электронное издание

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
2025

© Оформление, БФУ им. И. Канта, 2025
ISBN 978-5-9971-0997-4

Редакционная коллегия

Л. С. Сироткина, канд. филос. наук, доц.,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта;
А. Г. Пушкарский, аналитик,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Рецензенты

И. Н. Грифцова, д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой,
Московский педагогический государственный университет;
А. Г. Кислов, канд. филос. наук, доц., зав. кафедрой,
Уральский федеральный университет
имени первого президента России Б. Н. Ельцина

Логика, история и методология философии : материалы
Всероссийской конференции с международным участием «Логико-философский семинар им. В. Н. Брюшинкина», Калининград, 23—25 января 2025 года / под ред. Л. С. Сироткиной, А. Г. Пушкарского [Электронный ресурс] : научное электронное издание. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2025. — <https://publish.kantiana.ru/catalog/non-periodical/sborniki-trudov-konferentsiy/logika-istoriya-i-metodologiya-filosofii/>

Представлены материалы докладов Всероссийской конференции с международным участием «Логико-философский семинар им. В. Н. Брюшинкина», состоявшейся в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта 23—25 января 2025 года. Статьи посвящены проблемам истории и методологии философии, преподавания логики, теории аргументации и курса критического мышления, философии сознания и искусственного интеллекта.

Предназначены для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

© Оформление, БФУ им. И. Канта, 2025
ISBN 978-5-9971-0997-4

*Светлой памяти
Леонарда Александровича Калининкова
посвящается*

6 августа 2025 года ушел из жизни замечательный философ, ученый, без которого сложно представить российское кантоведение, калининградский университет (КГУ, РГУ, БФУ им. И. Канта), наши научно-философские семинары, Леонард Александрович Калининков. Человек, искренне преданный философии, посвятивший жизнь изучению наследия И. Канта, написавший около 200 научных работ, калининградский Кант, как называли его коллеги, друзья, многочисленные слушатели его публичных лекций. Человек, са-

мой своей жизнью в философии заслуживший любовь, уважение, признание российских и зарубежных ученых, студентов, тех калининградцев, которые были вовлечены в заложенную им традицию отмечать значимые кантовские даты и ждали его февральских и апрельских лекций в Кафедральном соборе.

Леонард Александрович был коллегой и наставником многих участников научно-философских семинаров, неизменно выступал с обстоятельными докладами, посвященными творчеству Канта. Предлагаемый читателю сборник мы открываем небольшим материалом профессора Калининкова, подготовленным по его докладу, сделанному в первый день работы конференции, 23 января 2025 г.

Коллеги

Часть 1

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФИЯ НЕМЕЦКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

УДК 141.1

† Л. А. Калининков

Философия Канта как наука

Важнейшая идея системы Канта — идея возможности научной метафизики. Критика предшествующей догматической метафизики связывается Кантом с ее опорой на формальную логику, которая одна не может быть логикой науки: логика науки представляет собой единое целое из трансцендентальной логики с ее принципом содержательности и логики формальной. Построение научной философии Кант связывает с ответами на вопросы: «Как возможны синтетические суждения a priori?», «Как возможна метафизика как наука?» и «Что такое человек?». Кант отвечает на них в следующей логике: синтетические априорные суждения возможны, потому что есть метафизика вообще, она есть потому, что мы обладаем априорными формами разума — идеями; идеи как трансценденции могут быть идеями практического разума — это понятия морали, и как трансценденции они возможны, потому что человек — существо социальное. Таким образом, ответы на вопросы «Что такое человек?» и «Как возможна метафизика как наука?» тесно связаны. Метафизика как наука возможна, потому что есть человек как социально-моральное существо.

Ключевые слова: И. Кант, научная метафизика, трансцендентальная логика, трансцендентальная антропология

Идея научности философии — важнейшая идея системы Канта. Согласно Канту, философия, или метафизика, может быть только научной, или ее не может быть вообще. Кантовский план построения научной метафизики имеет три ключевых момента. Во-первых, он связан с обнаружением синтетических суждений а priori, которые и являются «собственно метафизическими». Во-вторых, с поиском ответа на определяющий и итоговый для метафизики вопрос: «Что такое человек?» Но, чтобы ответить на него, в-третьих, надо иметь ответ на вопрос: «Как возможна метафизика как наука?» [4, с. 95].

1. Формальная логика и догматическая метафизика. Метафизике как науке предшествовала догматическая метафизика, которую философ отказывался признавать за подлинную философию в силу того, что она основывалась на формальной логике, которая пользуется логическими формами, но не их содержанием. Кант понимал, что мыслить и познавать не суть одно и то же.

Содержание логических форм вовсе не есть содержание объективного природного мира. Поэтому Кант вынужден был ввести различие между логической рефлексией и рефлексией трансцендентальной. Первая имеет отношение только к логическому содержанию, тогда как вторая — к объективной реальности как познаваемой и познающей. Поэтому трансцендентальная рефлексия имеет непосредственное отношение к чувственности как исходной и обязательной познавательной способности, логическая же пользуется единственно только чистым рассудком.

Трансцендентальная рефлексия отличается от логической еще и тем, что она, будучи связанной со всей системой познавательных способностей человека, обладает возможностью переводить эти способности из познавательного регистра в нормативно-практический и ценностно-ориентирующий. Формальная логика эти регистры не различает. Логическую топикку, введенную Аристотелем, Кант дополняет еще топикой трансцендентальной. И если с позиций формальной логики понятия

«вещь вообще» и «вещь в себе» тождественны, то с позиций логики трансцендентальной они совершенно различны: понятие «вещь вообще» бессодержательно и пусто, тогда как «вещь в себе» означает объективный мир в том его виде, как он существует сам по себе.

Вещь в себе в смысле гносеологическом представляет собой «абсолютное целое всего возможного опыта» [4, с. 148]. Это последнее есть идея разума, которая по природе своей трансцендентна, выходит за пределы мира опыта, но не порывает с трансцендентальным целым мира.

2. Трансцендентальная философия и трансцендентальная логика как средство конституирования логики и методологии науки. Назначение разработанной Кантом трансцендентальной логики двояко. Ее применение, во-первых, обеспечивает превращение метафизики в науку, служит созданию философски обоснованной методологии науки. Во-вторых, с ее помощью происходит конституирование логики науки, которая, помимо соблюдения законов формальной логики, обязана иметь дело с содержанием применяемых понятий, устраняя из области научного знания противоречивые и пустые. Этим требованием содержательности применяемых понятийных форм трансцендентальная логика, с одной стороны, дополняет формальную, а с другой стороны, ее исправляет и ограничивает. Логика науки, таким образом, представляет собою единое целое из трансцендентальной логики с ее принципом содержательности и логики формальной, соблюдение законов которой необходимо для логики науки, но недостаточно.

3. Принцип относительности философии и науки. Философия, приобретя свойства науки, не перестает от этого быть философией; напротив, только став научной, она приобретает способность выполнять все свои функции. С одной стороны, на принципиальном различии философии и науки, с другой, — на их тождестве, в том числе и в гносеологической функции, Кант выстраивает свою систему критической трансцендентальной антропологии.

Вся предшествующая философия осознавалась как некое универсальное знание о мире в целом, поскольку отождествлялись сознание и познание, которым она и ограничивалась. Проблемы гносеологии являлись определяющими, человеческая душа понималась как данная для познания мира: познающее существо — вот что такое человек согласно докантовской метафизике. Кант отказывается от этой традиции и приходит к выводу, что человек есть деятельное существо, сознание нужно ему для осуществления деятельности, то есть приспосабливания природы к своим потребностям и нуждам. Сознание, или душа, как его называет Кант, имеет не одну, а три функции. Оно нужно человеку для осознания своих потребностей как целей деятельности, для познания окружающего мира как знаний об условиях и возможностях осуществления целей и для нахождения средств и способов деятельности, какими можно достичь поставленных целей. Эта трифункциональность философии и отличает ее от науки, ограничивающейся лишь функцией познания. Три «Критики...» Канта, в которых изложена его система, посвящены всем этим функциям. Они качественно самостоятельны, их нельзя свести ни к какой из трех. В то же время в душе человека все функции синтезированы в целое, каждая из них проникает в две другие и обеспечивает их функционирование.

Идея трифункциональности философии чрезвычайно важна в том отношении, что она позволяет решить проблему основания философии: как наука, она получила возможность самообоснования, возможность обходиться без идеи Бога.

4. *Философия как критика и как доктрина.* Критика способностей души в совокупности есть только вводная часть метафизики: согласно Канту, философия как универсальная теория объекта должна состоять из двух частей, где критика осуществляет роль философской теории субъекта, которая служит лишь предварительной и подготовительной частью для доктринальной концепции, то есть философии объекта. Доктринальная часть философии, согласно Канту, должна состоять из метафизики природы и метафизики свободы.

Нужно отметить, что Кант, ограничивая ими доктринальную часть своей системы, в общем плане системы допускает непоследовательность. Причина ее в том, что мораль не только в его системе, но и в действительном мире человеческих отношений играет одновременно две роли: она представляет собою высшую норму всей человеческой деятельности, и в то же время мораль есть высшая ценность, выражающая в своем абсолютном законе — категорическом императиве — ценность человека для человека.

В общем плане системы Кант допускает эту ошибку, влияющую на последовательность и красоту всей философской конструкции. Доктринальная часть его системы содержит метафизику природы, то есть философскую теорию знаний о природе, и метафизику нравов как философскую теорию нравственных норм. Но система не содержит самостоятельную доктринальную часть философию ценностей. Ценности Канту следовало бы рассматривать как третью часть доктрины. Тогда и «таблица всех высших способностей с точки зрения их систематического единства» [2, с. 199] утратит непоследовательность в делении таких ее частей, как «Априорные принципы» и «Применение их к».

5. Судьба доктринальной части системы в творчестве Канта. Для Канта проблема метафизики в качестве методологии науки предстала как проблема природы человека. Уже в работах 50-х гг. XVIII века, посвященных различным аспектам физики, географии, астрономии, связанным с принципами метафизики, обозначается проблема непонимания человеком того, «что такое действительно человек в настоящее время» [1, с. 260]. В 60-е гг. сама «любопытная человеческая душа» и, главное, философская методология, необходимая для ее познания, стали основными предметами размышлений Канта. Решающий шаг в готовящейся реформе метафизики Кант сделал, противопоставив религиозно-мифологическому догматическому понятию «дух(и)» собственное философско-антропологическое его понимание. Дух — это не столько состояние индивидуальной души, сколько достояние определенного со-

общества людей, явление группового сознания, причем группа эта может быть достаточно широкой, объединяющей как народ, нацию, так и все человечество. Понятие человеческого духа привело к возникновению идеи трансцендентального сознания в качестве синтеза эмпирического скептицизма и догматического трансцендентизма.

В диссертации 1770 г. «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира» появляется понятие трансцендентальности уже в собственно кантовском смысле. Подготовленный строительный материал предстояло организовать в строгую систему, применяя продуманный архитектурный план. Работа эта потребовала от Канта двадцати лет напряженного труда. Осуществляя его, Кант приходит к выводу, что созданная им система включает в себе методологические возможности для осуществления перехода науки в новое, пост-ньютоновское, состояние, в котором естественная природа и природа человека объединяются в единое целое природы «в самом общем смысле» [3, с. 261] этого слова. А это означает единство естественной науки и науки гуманитарной в науке как таковой. Мало того, идеи Канта относительно природы человека привели к идее наук социальных, так как природа его оказалась результатом общественных отношений. Этика, право, политика стали примером первых социальных наук, разработанных Кантом в процессе реформирования философии.

Список литературы

1. *Кант И.* Всеобщая естественная история и теория неба // Соч. : в 6 т. Т. 1. М., 1963.
2. *Кант И.* Критика способности суждения // Соч. : в 6 т. Т. 5. М., 1966.
3. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Соч. : в 6 т. Т. 4, ч. 1. М., 1965.
4. *Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Соч. : в 6 т. Т. 4, ч. 1. М., 1965.

Л. С. Сироткина

**«Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма» И. Канта:
прочтение с точки зрения когнитивного подхода**

Логический трактат И. Канта имеет, помимо логического и эпистемологического, когнитивное содержание. Оно связано с различением двух форм силлогизмов (онтологического и формального) и анализом силлогизма как акта мышления. Экспликация когнитивного содержания трактата и демаркация его от эпистемологического позволяет реконструировать возможную когнитивную силлогистику Канта и на ее основе наметить перспективы когнитивных исследований умозаключений в естественных рассуждениях.

Ключевые слова: *И. Кант, докритический период, «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма», естественные рассуждения, силлогизм*

Изучение механизмов естественных рассуждений представляет немалый интерес для науки и несомненную значимость для практики. Несмотря на то, что соответствующее научное направление оформилось в XX в. в связи с развитием психологии мышления, впоследствии когнитивистики, в произведениях более ранних периодов можно обнаружить идеи, важные для анализа механизмов рассуждений. К таким работам относится кантовское «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма» (1762 г., далее — «ЛМ») [4, с. 175]. Наша задача, эксплицировав когнитивное содержание «ЛМ», реконструировать возможную когнитивную силлогистику Канта и обозначить намечаемые трактатом перспективы когнитивного исследования рассуждений.

Традиционное понимание силлогизма предполагает установление формальных отношений между терминами посылок. Ранний Кант видит соответствующие процедуры принципиально по-другому. Он различает две формы силлогизмов:

1) «в форме суждений», в которой отношения между субъектами и предикатами посылок носят предикцирующий характер и являются связями терминов по объемам;

2) не в форме суждений, в которой отражено онтологическое отношение присущности признака предмету или обладания предмета неким признаком [1, с. 25].

Онтологические пресуппозиции человеческих рассуждений таковы, что признак признака предмета присущ и самому предмету, а то, что противоречит признаку, противоречит и самому предмету. Это свойство бытия отражено в высших правилах силлогизма: *Nota notae* и *Repugnans notae* (далее — *NN* и *RN*) [4, с. 172], которые побуждают мышление сделать вывод об отношениях предмета и отдаленного признака через опосредствующий признак [1, с. 26]. Реконструкция кантовского силлогизма выглядит следующим образом.

1. Предъявление рассуждающему мышлению посылок, в которых зафиксированы отношения между предметом и признаком, признаком и его признаком.

2. Высвобождение «силы вывода» (осознание связей, на основании которых будет строиться вывод), актуализация высших правил силлогизма.

3. Связывание предмета и признака признака.

4. Отражение связи в суждении — формулирование заключения.

Подобные рассуждения возможны только по первой фигуре, по всем остальным — только через редукцию к первой [2]. По известным правильным модусам, при которых невозможно сведение к первой фигуре (модусы IV фигуры *AAI*, *IAI*), по утверждению Канта, умозаключение принципиально невозможно [1, с. 32].

Однако известно, что выводы (логически корректные или некорректные) рассуждающее мышление строит и по нередуцируемым модусам. Очевидно, существует разница между конститутивными и когнитивными характеристиками силлогизмов как актов ума. Кант не проводит явно различия между ними, однако, текстовые данные позволяют такую дифференциацию осуществить. Реконструируем возможные когнитивные элементы его работы.

Вышеуказанный способ рассуждения — законосообразный, поскольку: а) он отражает конститутивное свойство всякого умозаключения (по раннему Канту) быть опосредованным сравнением предмета и признака [1, с. 25]; б) в нем высшие правила действуют прямо; в) в силу этого сравнение происходит в прямой форме, без вставочных заключений. Именно поэтому правила *NN* и *RN* являются, по Канту, высшими правилами, а правила силлогизмов, описывающие отношения классов (*Dictum de omni*), — производными от них [1, с. 26].

Однако в естественных рассуждениях: а) посылки формулируются в форме суждений, которая маскирует отношения предмета и признаков; б) это делает возможными манипуляции терминами, порождающие фигуры, не соответствующие природе умозаключения. Реалии естественных рассуждений влекут важные следствия для построения выводов:

- 1) актуализацию экстенциональных отношений между терминами посылок;
- 2) возникновение ошибок при построении умозаключений;
- 3) изменение характера процедуры поиска заключения.

Учитывая, что в форме суждений эксплицируются формальные отношения понятий, следует предположить, что вывод будет осуществляться на основании правил *Dictum*. Однако, вероятно, Кант усматривает иной механизм — через своего рода онтологический «перевод» посылок: посылка, данная в форме суждения, преобразуется в соответствующую онтологическую форму, явно обнаруживающую отношения предмета

и признаков. Такой «перевод», возможно, происходит «автоматически»: предложения актуализируют отлитые в суждениях созерцания — происходит своего рода репредставление применительно к каждой посылке.

Таким образом, когнитивная силлогистика Канта — если бы он ее построил, — вероятно, имела бы следующие черты.

1. Естественные умозаключения осуществляются в языке, придающем им «форму суждений». Она ведет к «разрыву» между бытийными связями и их отображением в суждениях — к дуализму формы и сущности силлогизма. В «форме суждений» сила вывода ослабевает или даже перестает действовать.

2. Выводы из посылок, данных в «форме суждения» предполагают онтологический «перевод» посылки.

3. «Формы суждений» допускают перестановки терминов посылок, в результате чего образуются несовершенные II—IV фигуры.

4. Фигуры обладают разным когнитивным статусом: умозаключения по первой структурно просты и основаны на действии высших правил как априорных форм мышления [3, с. 391]; остальные предполагают промежуточные заключения и реализуются только через редукцию к первой — по этим «фигурам можно получать правильный вывод... только окольным путем» [1, с. 34].

5. Рассуждения по *Dictum* могут вести к ошибкам — неправильным умозаключениям.

Применение когнитивного подхода к тексту «ЛМ» позволяет наметить некоторые ориентиры изучения естественных умозаключений, в частности:

- сформулировать направления анализа естественных умозаключений: возможности и механизмы построения силлогизмов в процессах рассуждений, особенности рассуждений по несовершенным фигурам, зависимость между вероятностью ошибочного «вывода» и степенью несходства «формы суждения» конкретного модуса с онтологической формой и т. д.;

- сконструировать диагностические инструменты для исследования протекания силлогистических актов в естественном мышлении;
- определить условия эффективного обучения построению выводов силлогистического типа.

Список литературы

1. *Кант И.* Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма // Соч. : в 8 т. М., 1994. Т. 2. С. 23—40.
2. *Besler A.* Pre-Critical Kant on Traditional Logic: What is the Mistake in Syllogistic Theory? // *Temaşa Erciyes Üniversitesi Felsefe Bölümü Dergisi*. 2022. № 17. P. 192—204.
3. *Tolley Cl.* Kant on the Nature of Logical Laws // *Philosophical Topics*. 2006. Vol. 34, № 1-2. P. 371—407.
4. *Vanzo A.* Kant's false subtlety of the four syllogistic figures in its intellectual context // *The aftermath of syllogism* / ed. by L. Gili, M. Sgarbi. L., 2018. P. 157—190.

П. В. Жаренкова

**Феномен рационального мышления
в философии немецкого Просвещения¹**

Исследуется феномен рационального мышления в философии немецкого Просвещения. Рассматривается, как представления о разуме эволюционируют от строгой логико-дедуктивной модели к более гибкому и критическому пониманию его природы, функций и границ. Показано, что в Вольфианской школе разум трактуется как формально-логический инструмент, в традиции Томазия — как деятельный и практический, а в более поздних концепциях Ламберта, Тетенса и Канта формируется дифференцированное понимание рациональности, включающее условия возможности самого мышления.

Ключевые слова: рациональное мышление, немецкое Просвещение, разум, Вольфианская школа, школа Томазия

Проблема рационального мышления занимает одно из ключевых мест в философии Нового времени, особенно в контексте немецкого Просвещения. Именно в этот период формируются представления о разуме не только как инструменте познания, но и как внутреннем принципе организации человеческой деятельности, морали и науки. Немецкие мыслители эпохи Просвещения — от Вольфа до Канта — стремились не просто описать разум, но и выработать его нормативные основания, определить границы и условия его применения. Анализ этих философских позиций позволяет проследить, как рациональность постепенно превращается из метода в предмет критического осмысления, открывая путь к философии критицизма.

¹ Статья подготовлена под научным руководством канд. филос. наук Л. С. Сироткиной (БФУ им. И. Канта).

© Жаренкова П. В., 2025

Анализируя социально-исторический и философский контекст немецкого Просвещения, можно выделить следующие ключевые моменты [3, с. 8—27; 6, с. 84—99].

1. Политическая раздробленность как политическая слабость и отсутствие единой национальной политики способствовала обращению к просвещению как к идеалу внутреннего совершенства общества, при этом стимулировала интеллектуальное разнообразие: от строгого рационализма до религиозно-нравственного пиетизма.

2. Университеты и научные сообщества играли ведущую роль в распространении идей Просвещения, а также стимулировали развитие философии и естественных наук.

3. Универсализм и энциклопедизм были объединяющей силой духовной культуры и основой для идеала всесторонне образованного человека.

4. Философская обстановка: рационализм оставался ведущим направлением (стремление к логической строгости и системности мышления), однако, одновременно происходило развитие эмпирических и материалистических идей, ставивших под сомнение традиционные метафизические взгляды на человека и природу.

Именно данный контекст определил то, что немецкое Просвещение развивало сложное, дифференцированное понимание разума и рационального мышления, стремясь соединить традиции рационализма с элементами эмпиризма, чувственности и практической философии. И в отличие от более радикальных английского и французского подходов, немецкие мыслители стремились не столько разрушить старые метафизические системы, сколько критически их переосмыслить и систематизировать.

Так, Вольфианская школа внесла значительный вклад в развитие представлений о рациональном мышлении. Обозначим кратко ключевые достижения.

1. Систематизация рационального знания (в «Метафизике» [9, с. 227—358] Вольф показал, что рациональное мышление может быть организовано в логически последовательную систему, основанную на ясных и отчетливых понятиях).

2. Утверждение логики как универсального метода (в вольфианской школе особое значение придавалось законам логики, тем самым рациональное мышление оформляется как деятельность, подчиненная универсальным законам разума).

3. Интеграция чувственного опыта (несмотря на приоритет априорного мышления, Вольф подчеркивал необходимость чувственного опыта как материала для дальнейшей рациональной обработки [2, с. 532—533]).

4. Рационализация эстетического и чувственного (Баумгартен расширил понятие рационального мышления, включив в него чувственное познание как поддающееся систематизации. Он разработал эстетику как науку о совершенстве чувственного, подчиненную общим принципам разума, что стало важным шагом в направлении целостного учения о познании [1, с. 452—465]).

В целом вольфианская школа создала фундаментальную модель рационального мышления как логически организованного, системного и универсального процесса, в то же время заложив основы для его расширения за счет включения чувственного и эстетического опыта. Это позволило перейти от узкого рационализма к более сложному пониманию разума и мышления.

Так же как Вольфианская школа, школа Томазия внесла особый вклад в развитие представлений о рациональном мышлении. Обозначим кратко основные идеи.

1. Критичность вместо догматизма (рациональное мышление в школе Томазия понимается как способность к свободно-му, самостоятельному суждению и критике, а не следованию авторитетам или формальным схемам [5, с. 166—168]).

2. Практическая направленность (разум рассматривается Томазией как инструмент для решения реальных жизненных задач, а не абстрактных метафизических проблем [8, с. 6—17]).

3. Основа в человеческой природе (разум и логика имеют антропологическое основание — они связаны с чувствами, опытом, языком и здравым смыслом [4, с. 17]).

4. Истина и опыт (истина определяется Томазием как согласие с естественным светом разума и подтверждается опытом — рациональность включает в себя проверку и сомнение [5, с. 163—170]).

5. Неформальное мышление (вместо силлогистики школа Томазия продвигала содержательную, аргументированную логику, близкую к современным теориям дискурса [8, с. 11—13]).

Таким образом, школа Томазия сделала рациональность более критичной и практичной, а также ориентированной на реальное мышление человека в условиях неполноты знаний.

С конца XVIII в. (Ламберт, Тетенс) акцент смещается к признанию ограниченности чистого разума и необходимости его координации с другими способностями. Эта тенденция достигает вершины в философии Канта, для которого разум не властная сила, а автономная, но ограниченная способность, определяющая условия возможности опыта и знания [7, с. 176—192].

Таким образом, немецкое Просвещение формирует представление о рациональном мышлении как о многоуровневом, критическом, нормативно организованном процессе, в котором разум должен действовать не изолированно, а совместно с другими способностями человека и в строгих границах, очерченных самой природой познания. Это направление стало важной предпосылкой для формирования Немецкой классической философии и современной критической теории разума.

Список литературы

1. *Баумгартен А.* Эстетика // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли : в 5 т. Т. 2: Эстетические учения XVII—XVIII вв. М., 1964. С. 452—465.

2. *Виндельбант В.* История новой философии в ее связи с общей культурной и отдельными науками : в 2 т. Т. 1: От Возрождения до Просвещения. М., 2007.

3. *Жучков В.А.* Немецкая философия эпохи раннего Просвещения (конец XVII — первая четверть XVIII в.). М., 1989.
4. *Круглов А.Н.* Фронтисписы в учебниках логики периода немецкого Просвещения как программные визуальные средства // Логико-философские штудии. 2021. Т. 19, № 1. С. 12—90.
5. *Круглов А.Н.* «Vernunftlehre» и «Logik» в немецкой философии XVIII в. и задачи логики в эпоху Просвещения. Часть I // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 163—170.
6. *Крыштон Л.Э.* Феномен немецкого Просвещения // Идеи и идеалы. 2018. Т 2, № 2. С. 84—99.
7. *Секундант С.Г.* Лейбниц, Тетенс и Кант. Идея критического метода в немецкой философии 17—18 вв. Часть 2 // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 29, № 3. С. 176—192.
8. *Секундант С.Г.* Христиан Томазий: логика как учение о разуме // Sententiae. V. XXXVI, I. 2. 2017. С. 6—17.
9. *Христиан Вольф* и философия в России. СПб., 2001.

УДК168

С. А. Полатовский

Логико-эпистемологические основания философии истории Н. И. Кареева¹

Проанализированы основные принципы философии истории Н. И. Кареева. Историк предлагает различение историологии и историософии, выделяет еще одну область философии истории — историку. Кареев утверждает, что история не имеет собственных законов, в то время как философия истории предоставляет возможность объединения истории и философии.

Ключевые слова: философия истории, историология, историософия, историка

Николай Иванович Кареев (1850—1931) в монографии «Основные вопросы философии истории» изложил ключевые положения философии истории. Взгляд Кареева на всемирную историю частично продолжает европейскую традицию (Гердер, Кант, Гегель и Конт) и отечественную (В. Н. Татищев) [8, с. 100]. По мнению ученого, философия истории вытекает из самой исторической науки. Кареев писал: «историческая наука, как и всякая другая может так обрабатывать свой материал, чтобы все ближе и ближе подходить к философии. Этого она достигает, во-первых, посредством обобщений отдельных фактов, во-вторых, через внесение некоторой стройности в изображение их связи, и в-третьих, соединяя всю их область в

¹ Статья подготовлена под научным руководством д-ра филос. наук В. С. Поповой (БФУ им. И. Канта).

© Полатовский С. А., 2025

одно целое» [6, с. 89]. Собственное понимание философии истории Кареев раскрывает через дискурсивный прием «четырех не»: это не философская теория исторической науки, не исследование законов, не поиск плана истории, не а priori конструкции истории. Кареев видел в философии истории возможность объединения усилий истории и философии: история собирает и конструирует факты, а философия оценивает картину и находит объединяющее начало.

Однако философия истории не охватывает все теоретические проблемы историографии. Мыслитель предлагает выделять философско-теоретические подходы к осмыслению истории: «...воссоздать историю по ее условиям — дело феноменологии, найти законы развития — дело номологии, показать действие этих законов среди данных условий и влияние этих условий на процесс развития — задача философии истории» [5, с. 228]. Исходя из этого понимания, Кареев формулирует определение философии истории как абстрактно-феноменологического знания, которое изображает перемены в жизни человечества [2, с. 7]. Это определение позволяет соединить экземплярность и динамику исторических событий с необходимостью научных абстракций при философском осмыслении истории.

Важным в концепции философии истории Кареева является разграничение двух относительно независимых областей исследования — историологии и историософии. При этом философия истории, следуя примеру историографии, не ограничивается лишь воссозданием прошлого в его первоначальном виде, но и стремится к его познанию [8, с. 24]. Этот смысловой аспект исторической работы позволяет выделить еще одну область философии истории — историку. Историология фокусируется на вопросе о механизмах и закономерностях исторического процесса. При разработке историологии Кареев подчеркивал, что теория исторических событий должна иметь своим основанием «общую теорию бытия», поскольку это позволяет исключить субъективные оценки субъекта исторического познания, его представления о желаемом и должном и сфокуси-

ровать исследование исключительно на «констатации сущего», то есть на установлении максимально возможной объективной картины исторических событий [8, с. 24]. Историка как теория исторического знания имеет своим объектом сами методы получения знаний о прошлом, а также задает условия, при которых эти знания могут считаться научно обоснованными. В свою очередь, целью историологии как теории исторического процесса является выработка научного понимания того, как разворачивается история, вне зависимости от места и времени. Важно учитывать это разделение двух историко-теоретических дисциплин, поскольку смешение их задач, различных по своей сути, может затруднить корректное решение как исторических, так и историологических вопросов [1, с. 121].

Для понимания специфики истории остаются необходимыми позитивистские координаты методологии исследования. Таковыми для Кареева являются так называемые феноменологические науки, то есть те, которые описывают факты, явления, эмпирические данные, представленные в действительности, а также науки номологические — имеющими дело с законами явлений [8, с. 24]. В основе его методологии лежит отрицание наличия специфических исторических законов, которое вытекает из демаркации идиографии и номологии в истории. Принцип единства мира для философа истории позволяет скорее говорить не о закономерности, а о законосообразности истории [3, с. 31—46]. Эта законосообразность, по мнению Кареева, продиктована неизбежными психологическими и социологическими факторами, неотъемлемыми для самой предметной области истории. История, считает Кареев, не должна сводиться к общим тенденциям, но ее единство обеспечивается общей логикой эволюционных процессов. Следовательно, самостоятельных исторических законов не существует, есть лишь социологические и психологические закономерности, проявляющиеся в истории.

Осмысление исторического хода событий в философии истории происходит через призму субъективного восприятия,

связывая смысл истории с целеполагающей деятельностью личности. Именно историософия концентрируется на вопросах смысла и назначения истории. Телеологическое понимание хода истории, присущее историософии, утверждает метафизическую точку зрения в философии истории, которая склонна к навязыванию «заранее заданной логики» и линейной модели развития историческим событиям, которой присуще навязывание «априорной логичности», поступательно-прямолинейной схемы. В более узком понимании сфера историософии включает в себя вопросы деонтологии истории. Рассматривая предпосылки, из которых возник деонтологический взгляд на историю, важно отметить различие в отношениях человека к действительности (своего рода субъект-объектные отношения). Кареев вычленил четыре типа таких отношений: теоретические, эмоциональные, утилитарные и этические [4, с. 37]. Проведенный им анализ этих типов показывает, что утилитарные, а также эмоциональные отношения единичны и имеют сугубо личный характер, в то время как субъектами-носителями теоретических и этических отношений чаще являются целые группы людей, независимо от их индивидуальных особенностей.

Историка как теория исторического познания анализирует вопросы с эпистемологической и методологической перспектив, в то время как историология как теория исторического процесса подходит к их изучению с социологической позиции: акцент в первом случае делается на процессе познания конкретного бытия, во втором — на самом познаваемом бытии. Разграничивая теорию исторического процесса (историологию), представляющую интерес не только для историков, и теорию исторического знания (историки), а также рассматривая первую как динамичную составляющую социологии, которая понимается как общая теория общества, историология интегрируется в ряд теорий, охватывающих разнообразные процессы, протекающие в мире [3, с. 17].

В европейской гуманитаристике можно обнаружить схожие идеи с исторической теорией Кареева, получившие свое

продолжение. Уточнив терминологию О. Конта в отношении классификации наук на дисциплины, изучающие общие закономерности, и дисциплины, фокусирующиеся на частных событиях, Кареев значительно предвосхитил аналогичное разделение, предложенное немецкими неокантианцами В. Виндельбаном и Г. Риккертом, более чем на десять лет. Работы русского исследователя опередили открытия неокантианцев. Теория истории, разработанная Н. И. Кареевым, является синтетической системой как в плане структуры, так и в плане содержания. Ее справедливо можно считать важным достижением не только русской исторической науки, но и мировой интеллектуальной мысли в целом. Это достижение сохраняет свою актуальность не только для времени расцвета школы на рубеже XIX и XX вв., но и особенно для современных исследователей [1, с. 134].

Список литературы

1. *Васильев Ю. А.* Феномен «Ecole russe»: теория истории Н. И. Кареева (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2010. №3. С. 121—134.
2. *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990.
3. *Кареев Н. И.* Историология: Теория исторического процесса. М., 2011.
4. *Кареев Н. И.* Задачи социологии и теории истории // Собр. соч. Н. И. Кареева. Т. 1: История с философской точки зрения. СПб., 1911.
5. *Кареев Н. И.* Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса : в 2 т. М., 1883. Т. I.
6. *Кареев Н. И.* Философия, история и теория прогресса // Собр. соч. Н. И. Кареева. Т. 1: История с философской точки зрения. СПб., 1911.
7. *Малинов А. В., Погодин С. Н.* Цивилизационное единство всемирной истории: философия истории Н. И. Кареева // ЖССА. 2000. №4. С. 99—104.
8. *Малинов А. В.* Теория исторического процесса Н. И. Кареева // Клио. 2013. №2(74). С. 23—27.

**О примечаниях переводчика к русскому изданию
«Логических исследований» А. Тренделенбурга**

Переводы философской литературы играли большую роль в формировании и развитии круга философских представлений широкого русского общества в XIX в. Изучение переводной литературы представляет первостепенный исследовательский интерес, позволяя в том числе нередко зафиксировать «образ читателя» в представлениях переводчиков и издателей. В данной статье анализируется перевод «Логических исследований» А. Тренделенбурга, выполненный Е. Ф. Коршем, представляющий особенную ценность благодаря обилию примечаний переводчика.

Ключевые слова: истории русской книги XIX в., история русской философии, русская переводная философская литература

Русская переводная философская и в целом социально-гуманитарная литература XIX—XX вв. (в отличие, заметим попутно, от практик переводов XVIII столетия) до сих пор весьма редко делалась и делается предметом фокусированного изучения. При том само по себе значение переводов и возникающих вокруг них и в связи с ними интеллектуальных полей едва ли не самоочевидно — достаточно лишь вспомнить о довольно распространенном обозначении философского поколения 1980—1990-х гг. как «поколения перевода» или «поколения переводчиков».

В данном случае мы остановимся лишь на одной работе — вышедшем в 1869 г. в Москве переводе (осуществленном со 2-го немецкого издания) «Логических исследований» А. Трен-

деленбурга, принадлежащем Е. Ф. Коршу. Помимо бесспорного значения самой немецкой работы Тренделенбурга, данный перевод весьма примечателен и тем, что выполнен Е. Ф. Коршем, внесшим большой вклад в русскоязычную гуманитарную литературу 1850—1880-х гг. Интересен он и тем, что вышел в рамках большого издательского предприятия К. Т. Солдатенкова [1; 4] — более сорока лет, с середины 1850-х, выпускавшего в Москве книги, с одной стороны, в большинстве случаев не рассчитанные на коммерческий успех, а с другой, — со стороны издателя и его ближайших советников-соработников (к числу которых, помимо Корша, принадлежал также И. Е. Забелин [1, с. 40]) необходимых или весьма полезных для введения в русское образовательное пространство. То есть издательская деятельность во многом преследовала цели переформатирования русской интеллектуальной среды (оговорка «во многом» необходима от того, что издательская деятельность нередко преследовала еще и в значительной своей доле цель поддержания молодых образованных людей, предоставления им достойного попутного литературного заработка).

Перевод Е. Ф. Коршем трактата А. Тренделенбурга выделяется обилием примечаний переводчика, которые мы кратко постараемся охарактеризовать далее. В самом начале трактата, комментируя различие путей философии и наук и отмечая, что философия «пренебрегла этим (медленным) путем» от частного, единичного к целому, Корш уточняет: «Особенность эта, разумеется, не произвольная или только мнимая; она основана на коренном свойстве ума перехватывать любую единичность. Это часто ведет к создаваемым потом промахам и заблуждениям, но это же есть вместе и живая пружина всей умственной деятельности» [2, с. 2]. К числу больших дополняющих, авторских комментариев переводчика (отметим попутно — очень редких в тексте) относится комментарий к IV главе работы Тренделенбурга, открывающий собственно положительную часть исследования. В связи с выстроенной Тренделенбургом дихотомией формальной и диалектической логики и

задачей поиска третьего пути Корш отмечает: «Автор не считает даже и нужным упомянуть здесь еще о том четвертом, безвыходном, пути, который указан безусловным скептицизмом Юма и ведет, строго говоря, к полному безмыслию», — и далее подробно характеризует философскую позицию Юма [2, с. 114—115].

Ряд примечаний Корша, особенно к первым главам «Логических исследований», носит поясняющий характер, имеющий целью объяснить для русского широкого читателя то, что автор вводит без пояснения или с пояснением самым кратким. Так, когда в § 6 гл. 1 Тренделенбург упоминает практически без пояснений дихотомию синтетических и аналитических суждений, Корш комментирует: «В любом суждении, говорят кантианцы, сказуемое или заготов лежит в понятии подлежащего или берется вне его и связывается с ним только уже в суждении. В первом случае суждение будет *аналитическое* (развертывающее), в последнем — *синтетическое* (сопрягающее)» и т. д. [2, с. 30—31].

Род педагогического комментария, призванного избежать неверного понимания, представлен не очень большим числом случаев, но они характерны по содержанию, и значительная часть из них приходится на раздел о «диалектическом методе». Например, на изложение Тренделенбургом гегелевского понимания отрицания («Так как всякое только-то добытое понятие, по природе своей, обращается в собственное отрицание» и т. д. [2, с. 48]) Корш считает нужным сделать примечание к словам «по природе своей» как явно способное смутить читателя 1860-х гг., поясняя: «то есть в силу своей ограниченности, определенности» [Там же]. Или у фразы «как совершенно простая, деятельность эта будет признаком себя самой» [2, с. 125] есть пояснение: «Ее можно объяснить только ею же самою. В определяющем ее суждении сказуемое будет только повторением подлежащего» [Там же].

Ряд примечаний Корша носит специфически-пояснительный характер, когда он находит формулировку Тренделенбур-

га недостаточно ясной для отечественного читателя и в примечании переформулирует или дополняет сказанное. Например, к утверждению автора, что «причины отнюдь нельзя уразуметь из всегда равного себе понятия тождества» (которое формальная логика «ошибочно считает своим началом»), Корш добавляет: «Тождество, без нарушения самого себя, не может стать причиной, то есть породить что-нибудь новое, иное» [2, с. 32]. В другом случае он поясняет фразу автора («Вот почему древнейшая философия, когда она старалась понять вещество, говорила не о чистом пространственном движении, но прямо о сгущении и разжижении» [2, с. 247]): «То есть, она предполагала уже в движении необходимый субстрат» [Там же]. Или, например, к рассуждению о «реальном значении того методического-поступательного хода, который определяет всеобщее по видообразовательным его различиям» [3, с. 155] добавляет в сноске: «а не по субъективному благоусмотрению исследователя» [Там же]. Частным, но ярким случаем такого рода продолжения авторского текста является примечание к довольно объемному рассуждению Тренделенбурга о свободе воли и нравственности, когда Корш дает сжатую и экспрессивную формулировку: «Свобода без борьбы, а следовательно и без простора для борьбы, немыслима» [3, с. 101].

В редких случаях переводчик прямо отвечает автору, дополняя его текст — так, в ответ на реплику Тренделенбурга «Канту следовало бы по крайней мере объяснить, как благодаря лишь косвенному или посредственному переносу форма внутреннего чувства (время) может когда-нибудь непосредственно являться в вещах» [2, с. 151] Корш отвечает: «А время является в них непосредственно, потому что всякая вещь имеет свою историю, свой жизненный ход» [Там же].

Подведем краткие итоги. Нам представляется, что даже схематичный и идущий по поверхности текста анализ, проделанный нами, демонстрирует богатство материала и необходимость его привлечения для более глубокой и объемной ре-

конструкции историко-философского процесса в России, в данном случае — 1860-х гг. Мы видим, что в случае с подготовленным Коршем изданием «Логических исследований» переводчик отчетливо обладает собственным голосом, не пытаясь потеснить автора, но последовательно поясняя его рассуждения в русском контексте 1860-х гг.

Список литературы

1. *Толстяков А.П.* Люди мысли и добра: Русские издатели К. Т. Солдатенков и Н. П. Поляков. М., 1984.
2. *Логические исследования Адольфа Тренделенбурга. Ч. I* / пер. Е.[Ф.] Корша ; изд. К.[Т.] Солдатенкова. М., 1868.
3. *Логические исследования Адольфа Тренделенбурга. Ч. II* / пер. Е.[Ф.] Корша ; изд. К.[Т.] Солдатенкова. М., 1868.
4. *Ульянова Г.Н., Юхименко Е.М.* Московский предприниматель, меценат, старообрядец Козьма Терентьевич Солдатенков: новое прочтение биографии // *Экономическая история: Ежегодник. 2022. М., 2023. С. 9—66.*

Часть 2

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

УДК 140.8

В. Л. Васюков

Формальная феноменология праэлементов

Рассматривается версия формальной феноменологии, основанной на интенционализации праэлементов. Праэлементы — это объекты, не имеющие теоретико-множественной структуры. Формально: если y — праэлемент, то не существует объекта, являющегося элементом y , — всегда имеет место $x \notin y$. Поскольку формальная феноменология представляет собой теорию интенциональных объектов, то к теории множеств Крипке — Платека, описывающей поведение праэлементов, добавляются два интенциональных оператора, применяя которые к праэлементу p , мы получаем нозму праэлемента $\langle p \rangle$ и интенциональный-праэлемент-как-таковой данного праэлемента $[p]$. Их основные свойства описываются с помощью двух дополнительных аксиом: $\forall p \exists x (p \in x \rightarrow \langle p \rangle \in x)$ (если праэлемент является элементом некоторого множества, то и его нозма также является элементом этого множества) и $\forall p \exists x ([p] \in x \rightarrow p \in x)$ (если интенциональный-праэлемент-как-таковой какого-либо праэлемента является элементом некоторого множества, то и этот праэлемент является элементом данного множества). Действие подобных интенциональных операторов можно описать, если рассмотреть множество всех множеств, составленных из праэлементов (множество состояний сознания), и постулировать отношение, связывающее праэлементы с этими множествами. Тогда $\langle p \rangle \in x$ будет иметь место, если праэлемент p будет входить хотя бы в одно

состояние сознания, связанное нашим отношением достижимости с p , а $[p] \in x$ будет иметь место тогда, когда праэлемент p будет входить во все состояния сознания, связанные отношением достижимости с ним.

Ключевые слова: *формальная феноменология, праэлементы, интенционализация праэлементов*

В заключении книги «Ситуации, события, факты: формальная феноменология ситуаций» говорится: «формальная феноменология не обязана быть жестко привязанной к вышеперечисленным системам и концепциям и совершенно не исчерпывается возникшими в этой связи концепциями и конструкциями. Возможное дальнейшее развитие программы формальной феноменологии могло бы быть, например, связано... с теорией множеств Крипке — Платека с праэлементами... Что же касается праэлементов, то поскольку это “точки”, “атомы”, не имеющие теоретико-множественной структуры, то их также можно рассматривать в качестве объектов формальной онтологии, а “феноменологизируя” их путем введения соответствующих аксиом для определения интенциональных объектов, можно надеяться получить и систему формальной феноменологии» [1, с. 231]. Праэлементы не имеют теоретико-множественной структуры. Формально: если y — праэлемент, то не существует объекта, являющегося элементом y . Иными словами, всегда имеет место $x \notin y$. Система аксиом Крипке — Платека с праэлементами есть теория над сигнатурой $\{\in, U\}$, где U — одноместный предикат, аксиомами которой являются универсальные замыкания соответствующих формул [2, с. 240]. В частности, базисная аксиома для праэлементов выглядит следующим образом.

Праэлементы: $U(u) \rightarrow x \notin u$.

Аксиоматическая теория множеств может быть естественным образом развита с должным учетом праэлементов без особых изменений в привычных конструкциях, например, теории множеств Цермело — Френкеля. Для нас использование

праэлементов целиком и полностью связано с их пониманием как объектов, как таких сущностей, чьей теоретико-множественной природой мы пренебрегаем, а главным для нас является рассмотрение их как некоторых сущностных целостностей, которые могут существовать как в реальной действительности, так и в мире сознания.

Поскольку формальная феноменология по сути дела представляет собой теорию интенциональных объектов, то для «интенционализации» праэлементов теории Крипке — Платека добавляются два интенциональных оператора, применяя которые к праэлементу p , мы получаем нозму праэлемента $\langle p \rangle$ и интенциональный-праэлемент-как-таковой данного праэлемента $[p]$. Их основные свойства описываются с помощью двух дополнительных аксиом: $\forall p \exists x (U(p) \wedge p \in x \rightarrow \langle p \rangle \in x)$ (если праэлемент является элементом некоторого множества, то и его нозма также является элементом этого множества) и $\forall p \exists x (U(p) \wedge [p] \in x \rightarrow p \in x)$ (если интенциональный-праэлемент-как-таковой какого-либо праэлемента является элементом некоторого множества, то и этот праэлемент является элементом данного множества). Кроме того, следует добавить правила вывода $U(p) \wedge p \in x \rightarrow p \in y / U(p) \wedge \langle p \rangle \in x \rightarrow \langle p \rangle \in y$ (из того, что если некоторый праэлемент является элементом одного множества следует, то он является элементом и другого множества, умозаключаем, что то же самое будет справедливо и для его нозмы) и $U(p) \wedge [p] \in x \rightarrow [p] \in y / U(p) \wedge p \in x \rightarrow p \in y$ (из того, что если интенциональный-праэлемент-как-таковой какого-либо праэлемента является элементом некоторого множества, то он является элементом другого множества, можно умозаключить, что искомым праэлемент принадлежит обоим множествам).

Действие подобных интенциональных операторов можно описать, если рассмотреть множество всех множеств, составленных из праэлементов, определяющих состояния сознания (ментальные состояния), и постулировать существование выделенного отношения достижимости, связывающего праэле-

менты с этими множествами. Тогда $\langle p \rangle \in x$ будет иметь место, если праэлемент p будет входить хотя бы в одно состояние сознания, связанное нашим отношением достижимости с p , а $[p] \in x$ будет иметь место тогда, когда праэлемент p будет входить во все состояния сознания, связанные отношением достижимости с ним.

В рамках подобной формальной феноменологии можно было бы описать и «феноменологические» множества. Учитывая, что множества, образованные праэлементами, описываются как $\text{Ob}(X) = \{p: p \in X \rightarrow U(p)\}$, можно ввести множества-ноэмы $\langle X \rangle = \{\langle p \rangle: \langle p \rangle \in X\}$ и интенциональные-множества-как-таковые $[X] = \{[p]: [p] \in X\}$.

Роль, которую играют праэлементы в нашем рассмотрении, лучше всего описать словами Романа Ингардена из его очерка о философии Гуссерля. О них можно «говорить закономерно и ответственно, если они понимаются только с такими присущими им свойствами, отношениями и способами существования, с которыми они выступают в непосредственном опыте как феномены особого рода... они доступны познанию только как эквиваленты этого опыта и других актов чистого сознания, и смысл этих эквивалентов конституируется в множестве соответствующе подобранных и соответственно связанных между собой актов чистого сознания» [3, с. 198]. Именно с этой точки зрения стоит рассматривать все теоретико-множественные аспекты интенционализации праэлементов.

Список литературы

1. *Васюков В.Л.* Ситуации, события, факты: Формальная феноменология ситуаций. М., 2019.
2. *Справочная книга по математической логике* : в 4 ч. / под ред. Дж. Барвайса. Ч. I: Теория моделей ; пер. с англ. М., 1982.
3. *Ингарден Р.* Философия Эдмунда Гуссерля (энциклопедический очерк) // Феноменология искусства. М., 1996. С. 197—212.

Герменевтика философских текстов

Определение специфики философских текстов представляет собой сложную эпистемологическую задачу, связанную с выяснением сущности процесса философского познания на основании смыслов тех основополагающих понятий, которые содержатся в рассматриваемом тексте. Всесторонний анализ текста предполагает выяснение его концептуального содержания, направленности, цели, что в конечном итоге приводит к пониманию культурно-исторического и мировоззренческого характера содержащихся в нем идей. Творческая задача познания и понимания текста предполагает его интерпретацию. Поэтому если мы будем называть интерпретацию герменевтической, то в отношении философского текста решающая роль будет отведена «понимающей» интерпретации, то есть к философскому тексту будет применена методология интерпретации. Такая методология нуждается в обосновании, предполагающем выяснение той основной проблемы, которая организует философский текст. Обоснование проблемы может быть рассмотрено с позиции становления внутри самой философии основополагающих принципов познания. Они согласуются с герменевтическими принципами интерпретации, способствуют пониманию философских текстов. Обращение к истории философии позволяет выявить некоторые универсальные принципы познания, такие как преемственность знания и требование обоснованности. Оба принципа оказываются эффективными для постановки и решения как той или иной научной проблемы, так и непосредственно в философском исследовании.

Ключевые слова: философия, герменевтика, текст, познание, понимание

Изучение философских текстов предполагает их оценку с точки зрения эпистемологического, культурно-исторического или историко-философского значения. На первое место в философском анализе текстов выдвигается проблема понимания. Эта проблема предполагает решение, по крайней мере, двух взаимосвязанных вопросов: выяснение специфики языка философских текстов (понимание смысла философских понятий) и применение к ним герменевтических методов.

Из всего многообразия философских концепций, сформировавшихся к началу XXI в. особое значение в рассматриваемой проблеме понимания и интерпретации философских текстов представляет философская герменевтика. Именно герменевтика выработала систему методов и подходов, которые позволяют рассматривать предметную область философии с точки зрения изменяющегося смысла составляющих ее философских понятий, идей, концептуальных положений. Нацеленность герменевтики на выяснение истинного смысла текста, наряду с пониманием смыслового содержания составляющих этот текст понятий, позволяет выявить и определить круг философских вопросов и посмотреть, как обсуждаемые вопросы опосредуют развитие самой философской мысли. В отношении философских текстов можно предложить два фундаментальных подхода — конкретно-научный, который требует ознакомления с многообразием данных относительно понятийного языка философского текста, и герменевтический, который позволяет понять философскую концепцию, исходя из смысла каждого выдвигаемого положения и даже каждого понятия в случае, если отсутствуют необходимые дефиниции. Сочетание двух подходов в анализе философских текстов приближает исследователя к пониманию сущности самой интеллектуальной деятельности по интерпретации, опосредуя тем самым расширение методологической базы философской герменевтики. Такое утверждение роли герменевтики не случайно. Дело в том, что герменевтика использует специальный тип рассуждения, который позволяет отличить важное от не-

существенного. В философии такой способ размышления называется *философским анализом*. Конечно, подобный тип рассуждения встречается и за пределами философии, поэтому всюду, где он используется, можно наблюдать попытку посредством философско-герменевтического анализа проникнуть в сущность изучаемого предмета.

Деятельность философа всегда сопряжена с рассмотрением наиболее важных аспектов проблемы, с поиском глубинных причин исследуемого события, явления, феномена, наконец, текста как события. Интерпретация текста связана с использованием методов, которые позволяют выявить концептуальный и теоретический статус выдвигаемых философских положений, намечая связи идей и выявляя их смысловое содержание. Интерпретация смысла слов и понятий направлена на выяснение наиболее существенных вопросов, содержащихся в тексте, на понимание проблемы на ее сущностном уровне, поэтому такая работа по интерпретации является философской.

Тексты, относящиеся к далеко отстоящим от нас эпохам и культурным традициям, а также сложные или неоднозначные по смыслу тексты представляют наибольший интерес для герменевтического анализа. Их интерпретация не всегда однозначна и может привести к искажению смысла, неправильной оценке значения текста и т.п. Поэтому представляется актуальной оценка творческой обстановки и среды, в которой творил сам философ, наряду с описанием содержания текста, изучение которого помогает выявить истинный смысл контекста и понять ход мысли ученого, раскрывая при этом глубинные стороны внутреннего процесса познания.

Наиболее существенным для герменевтики является то, что открывает нам философский текст. Для мыслителей Древней Греции это был вопрос о том, что есть основа (*arche*) действительности и какова сущность вещей. Сегодня направление герменевтических поисков предстает как сходное прежде всего в познании специфики философского мышления, изучаемого на фундаментальном уровне. В познании сущности вещей

философы используют *аналитический* метод, и он связан с разделением объектов по типам вплоть до самых простейших и фундаментальных его частей. Эта же деятельность сводится к упорядочиванию свойств предметов; она состоит в сравнении предметов и выявлении основания для их квалификации с тем, чтобы затем исследовать систематизированные предметы на уровне их структурной организации. Аналитический стиль мышления универсален и применим к научным и философским текстам, к их интерпретации. Герменевтика предлагает применять к анализу философских текстов следующую последовательность принципов.

1. Начинать надо с определения предмета, о котором идет речь.
2. Этот предмет должен рассматриваться как соответствующий действительности (истина определена, смысл ясен).
3. Необходимо выделять все частности, которые сопровождают развитие основной идеи или проблемы, и соотносить частное с общим смыслом излагаемого, последовательно приближаясь к пониманию всего содержания и общей идее.
4. В тексте соотносить то, что ясно, тому, что туманно.
5. Не допускать вербального и реального параллелизма (не приписывать автору того, чего нет у него в тексте).
6. Соотносить логически когерентное тому, что оказывается когерентно противоречивым.
7. Принимать во внимание так называемый диапазон автора по отношению к его философскому творению.

Эта последовательность принципов познания соответствует методологии научного исследования.

**О дилемме институционализации и аргументации
в интерпретации марксизма**

Обосновывается, что институционализационная и аргументационная версии истолкования марксизма являются дилеммой, которая разрешается не устранением одной из ее сторон, а компаративным анализом их конкретно-исторического взаимодействия.

Ключевые слова: марксизм, институционализация, аргументационная версия марксизма, дилемма институционализации и аргументации марксизма

В современных дискуссиях о сути марксизма нередко апеллируют к необходимости различения в нем двух сторон: институциональной (идеологической и т. п.) и аргументационной (научной и т. п.).

Институциональную природу марксизма обычно выводят из его классовой ангажированности, использования в практике государственного и партийного строительства как средства государственного или общественно-политического влияния на сторонников и оппонентов. Научную (аргументационную) природу марксизма чаще ассоциируют с его вкладом в экономическую науку и философские исследования.

В зависимости от приоритизации одной из этих двух граней марксизма его суть представляется в виде дилеммы марксизма как эпифеномена институционализации или образца доказательного, научно обоснованного учения, стороны которой находятся в неразрешимом конфликте.

Отвечая на вопрос, действительно ли институционализация и научная доказательность (аргументация) марксизма являются конфликтной и неразрешимой дилеммой, сначала бегло охарактеризуем круг ее сторонников и противников.

Среди приверженцев институциональной и аргументационной природы марксизма выделяются руководители коммунистических партий и государств: В. И. Ленин, А. Грамши, И. В. Сталин, Мао Цзэдун, Хо Ши Мин и др.

В рядах, акцентирующих внимание на приоритете институциональной природы марксизма, находятся, например, его представители и критики по должности. После фултонской речи У. Черчилля и значительных финансовых вливаний в изучение процедур принятия государственных решений в СССР и странах социалистического содружества, число последних, например так называемых кремлинологов, советологов и т. д. стало значительно увеличиваться.

Критикуя марксизм, в XX в. они выводили его институциональное содержание из особенностей тоталитаризма (К. Поппер, К. Фридрих, Зб. Бжежинский, Э. Глисон, Л. Зигельбаум и др.).

Среди соглашавшихся с существованием в трактовке марксизма дилеммы и обосновывающих в нем приоритетность аргументации (науки) укажем, например, Л. Альтюссера, И. Валлерстайна, Д. Харриса, В. Я. Ельмеева, А. В. Бузгалина и др.

Оставляя далее в стороне различия в понимании взаимосвязи институционализации и аргументационализации в марксизме в общем виде, проверим его фактами и аргументами из реальной истории марксизма.

Бросается в глаза, что в ней процессы сциентизации и институционализации марксизма не были одновременными. Если обоснование марксизма как научного мировоззрения датируется позицией К. Маркса в «Тезисах к Фейербаху» 1845 г., то его институционализация начинается «Катехизисом коммунизма» Ф. Энгельса 1847 г. и «Манифестом коммунистиче-

ской партии» К. Маркса и Ф. Энгельса 1848 г., подготовленных по поручению тайной организации пролетариата «Союз коммунистов».

В то время как аргументационализация марксизма имела форму диалога (критической дискуссии), основой институционализации марксизма был монолог. В монологе победа над оппонентами и сомневающимися определялась институциональным статусом участников, в критической дискуссии их аргументационной амуницией, научностью (обоснованностью, доказательностью аргументов), критикой марксизмом представителей различных старых, классических и неклассических учений (*измов*) в философии, экономической и политической теории.

Аргументологизация марксизма в философии осуществлялась через выявление ошибок в аргументации, например, следующих творцов новой, или неклассической философии: Й. Бентама, который в философии счастья для большинства человечества использовал, по оценке К. Маркса, «обыденнейшие банальности» английского обывателя, О. Конта, соединявшего позитивную стадию развития общества с апологией капитализма в обличье, по словам Маркса, «некритического позитивизма».

В философских баталиях и с менее известными сегодня представителями неклассической философии, марксизм демонстрировал ошибочность приписывания мыслям самостоятельного существования и их отрыва от жизни, апологии насилия, расизма и т. д.

Доказательно вскрывая просчеты в различных проектах новой (неклассической) философии (И. Бентама, О. Конта и др.), марксизм этим не ограничивался, предлагая собственную версию неклассической философии [1] как результата переосмысления достижений классической философии и новаторского синтеза философских, экономических и политических исследований в научном анализе.

С его помощью выявлялись «тайны» отчуждения, действительность в науке диалектики как логики и теории познания, роль в научном мировоззрении философских принципов материалистического понимания истории.

В своей экономической и политической доктрине марксизм, как известно, также был и идеологически (классово) ангажирован. Одновременно с этим в своей экономической и политической теории марксизм использовал по преимуществу демонстративную, подтверждающую и экспликативную аргументацию.

Это и позволяет утверждать, что в реальной истории марксизма и в его природе невозможно разделить и противопоставить друг другу его институциональную и аргументационную стороны.

Следовательно, кажущаяся вполне легитимной и состоятельной на первый взгляд, дилемма институционализации и аргументации марксизма как их конфликта не отражает его сути. Это означает, что, выражаясь гегелевским языком, ее снятие осуществляется не путем устранения, и/или приоритизации одной из ее сторон, а посредством их конкретно-исторической и контекстуальной реконструкции, а также экспликации философских, политэкономических и политологических опосредствующих звеньев между ними.

С их помощью и можно в каждом конкретном случае точно определить, чего в том или ином варианте марксистской демонстративной аргументации или государственно-партийной институционализации было больше: демонстративности, адресованной универсальной аудитории, или аудитории науки, и/или персуазивности, то есть убедительности для какой-либо определенной и конкретной аудитории (института).

Список литературы

1. Чуешов В. И. О марксизме, его философии и одном из ее возможном будущем // Маркс и марксизм в контексте современности : материалы междунар. науч. конф. посвящ. 200-летию со дня рождения К. Маркса (1818—1883), Минск, 26—27 апр. 2018 г. / отв. ред. В. Ф. Гигин [и др.]. Минск, 2018. С. 477—488.

Часть 3

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛОГИКИ И ДИСЦИПЛИН ЛОГИЧЕСКОГО ЦИКЛА

УДК 162

О. В. Малюкова

О соотношении логической и риторической аргументации

Рассмотрена проблема соотношения логической и риторической аргументации, которая является частью проблемы соотношения логики и риторики. Современные риторики представили риторическую теорию аргументации как основу для достижения согласия в обществе, которая не нуждается в правильных формально-логических рассуждениях. В результате этого последовательность изучения дисциплин в тривиуме сместилась в сторону приоритета риторики, на логике уже не основанной.

Ключевые слова: логическая аргументация, риторическая аргументация, тезис, аргумент, демонстрация

Проблема соотношения логической и риторической аргументации является частью проблемы соотношения логики и риторики. Обе дисциплины возникли еще в античности, основным создателем обеих по праву считается Аристотель [1]. Обе дисциплины имели практическую ориентацию на государственное управление и судопроизводство, что нашло свое выражение в понятии аргументации.

Аргументация — это процедура обоснования каких-либо высказываний (суждений), в которой наряду с логическими

применяются риторические и иные методы и приемы убеждающего воздействия. Убеждающее воздействие представляет собой вид речевой коммуникации в форме монолога или диалога. В монологе аудитория отсутствует или подразумевается, в любом случае одна из сторон монолога занимает пассивную позицию. Диалог — это речевая коммуникация, в которой участвуют, как минимум, два партнера, один из которых называется пропонентом и выдвигает положительную точку зрения, а второй — оппонентом, отстаивающим отрицательную точку зрения.

Аргументация включает три элемента — это тезис, аргументы и демонстрация. Основными способами аргументации (обоснования тезиса) являются подтверждение (доказательство) и критика (опровержение). Обоснование тезиса может иметь форму умозаключений (дедукция, индукция, традиция). Обоснование с помощью дедуктивных умозаключений обеспечивает получение достоверного знания, такое обоснование является доказательством. Обоснование при помощи индукции и традиции чаще всего позволяет получить вероятностные заключения. Логическое обоснование тезиса имеет строго определенные формы: так, к дедуктивным умозаключениям относятся: превращение, обращение, рассуждения по логическому квадрату, простой категорический силлогизм, чисто условные, условно-категорические, разделительно-категорические и условно-разделительные умозаключения.

Риторическая аргументация представляет собой иной способ обоснования. Более того, существует мнение, что риторическая аргументация — это логическая аргументация, специально испорченная с помощью софизмов, паралогизмов или иных ошибок в формате доказательства, которые оказываются правильными при использовании естественного языка. Основа риторической аргументации состоит в использовании не логоса, а этоса, пафоса и здравого смысла. Сильнейшим аргументационным эффектом обладают все члены классического риторического канона. Инвенция сопровождается системой топов, изначально описанных Аристотелем, диспозиция сфор-

мулировала тип аргументации в виде разнообразных хрией, элокуция применяет для аргументации тропы и фигуры, мемория убеждает слушателя в силе хорошей памяти и эрудиции, акция непосредственно связана с мощным аргументативным воздействием на публику с помощью интонации, техники речи, убедительности облика оратора и т.д. Дополненная или снабженная правильными рассуждениями, такая речь оказывает мощное воздействие на аудиторию.

Однако, как хорошо известно [4], развитие научного знания вытеснило риторику за границы науки, что имело под собой определенные основания. Современный взлет риторики в формате неориторики произошел в середине XX в. Ее возникновение заслуженно связывается с выходом в 1958 г. книги Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Тытеки «Новая риторика: трактат об аргументации» [3]. С этого времени риторика обрела новое качество и сосредоточилась на актуальных формах речи и коммуникации, что видоизменило статус классической риторики. Она стала учитывать реалии массового общества, а затем общества информационного. Конкретно это означало следующее:

1. Публичная речь митингового оратора, являвшаяся практически единственным жанром, получившим разработку в трудах классиков риторики, до определенной степени потеряла свое значение ввиду расширения аудитории практически до планетарных масштабов.

2. Возвращение к философии рационализма в условиях лингвистического поворота оказалось бесперспективным, ибо реалии времени требовали учитывать активную роль языка в функционировании человеческого сообщества, не ограниченную формально-логическими критериями правильности рассуждений, то есть формальной логикой.

3. Борьба за социальную свободу, вдохновлявшая великих ораторов прошлого, во многом утратила привлекательность, а ведь она активно использовала классическую риторику для достижения своих целей.

«Новая риторика: трактат об аргументации» дала своеобразные ответы на эти вопросы. Во-первых, основным объектом изучения стали письменные тексты, составляющие основной корпус речевых произведений как массового, так и информационного общества. Во-вторых, риторическая аргументация перестала основываться на логической демонстрации истинности, а свелась к проблеме соответствия фактам. В-третьих, борьбу за социальную свободу сменила борьба за личностное освобождение — освобождение индивида от диктата какого-либо мнения или истины, от внушения и насилия, исключающего разумное обоснование своих действий. Кстати, вместо истины стали говорить о смыслах, преломлении в индивидуальном сознании социально-значимых истин.

Постепенно новая риторика, а затем и теории коммуникации представили риторическую теорию аргументации как основу для достижения согласия в обществе, которая не нуждается в правильных формально-логических рассуждениях. Наоборот, многочисленные манипуляции и уловки основаны именно на применении логических ошибок [5]. К сожалению, последовательность изучения дисциплин в тривиуме, заложенная еще Марцианом Капеллой [2], сместилась в сторону приоритета риторики, на логике уже не основанной.

Список литературы

1. *Аристотель*. Риторика // Античные риторика. М., 1978. С. 15—164.
2. *Капелла М.* Бракосочетание Филологии и Меркурия. М. ; СПб., 2019.
3. *Перельман Х., Ольбрыхт-Тытека Л.* Новая риторика: трактат об аргументации. СПб., 2025.
4. *Рождественский Ю. В.* Теория риторики : учеб. пособие / под ред. В. И. Аннушкина. 4-е изд. М., 2006.
5. *Malyukova O., Rodionova O.* Law against Rhetoric: Establishing the Truth in Legal Disputes when Using Argumentation Trics // Kutafin Law Review. Vol. 12, iss. 1. 2025. P. 144—170.

К. А. Капельчук, О. А. Шапиро

**Проблемы преподавания курса критического мышления
как дисциплины логического цикла**

Освещаются проблемы преподавания курса критического мышления как дисциплины логического цикла. На примере курса, читаемого магистрантам университета ИТМО, авторы демонстрируют особенности конструирования современными студентами модели мира, базирующейся на ассоциативных связях и принципе «склейки», что создает дополнительные сложности для освоения студентами таких традиционных логических тем, как «теория понятий» и «теория умозаключений». Авторы выдвигают гипотезу, что эти изменения в восприятии мира связаны с увеличением доли визуальной информации и переходом к электронной текстовой культуре.

Ключевые слова: критическое мышление, логические компетенции, ассоциативные связи, монтаж, преподавание, модель мира

Критическое мышление сегодня — популярный тренд в обучении soft skills; обучение ему проходит в самых разнообразных форматах — от тренингов для бизнесменов до академических курсов. Мы можем выделить два основных подхода к его преподаванию: логический и психологический. В фокусе внимания психологического подхода лежат когнитивные искажения, установки и манипуляции; логический подход представляет собой курс informal logic, дополненный «трендовыми» темами (когнитивные искажения, факт-чекинг etc.).

Мы хотим поделиться опытом преподавания курса «Критическое мышление в практической деятельности» в университете ИТМО (Санкт-Петербург) в течение последних трех лет

и обсудить те проблемы, с которыми мы встречаемся в процессе его преподавания. Основная проблема, с которой мы столкнулись на курсе, связана со спецификой восприятия студентами связей между различными формами мышления (понятиями, суждениями). Если опираться на классические [3] или современные [2] работы, посвященные критическому мышлению, то возникает ощущение, что курс должен представлять собой последовательное решение ограниченного ряда задач:

- 1) формирование «критической установки» как результата развития рефлексии и обучения картезианскому сомнению;
- 2) обучение навыкам логически корректного рассуждения и аргументации;
- 3) знакомство с когнитивными искажениями и типичными ошибками с целью их избегания.

Такая стратегия предполагает, что когнитивный агент уже воспринимает мир структурировано в духе критического мышления, просто допускает ошибки в своих рассуждениях. Так, предполагается, что интуитивно схватываются традиционные отношения между понятиями, каузальные и телеологические связи, отношения логического следования, и на основании этих типов связей выстраивается картина мира. Однако при выполнении практических заданий студенты демонстрируют совсем иное понимание связей между понятиями и суждениями.

В рамках работы с понятиями студенты обращают внимание не на наличие или отсутствие общих признаков, а на ассоциативные связи, укорененные в контексте упоминания тех или иных слов. Это напоминает структурирование информации в поисковых системах по ключевым словам.

Одним из заданий, демонстрирующих понимание связей между понятиями, было задание составить понятийную карту проблемы, выбранной для группового проектного исследования. Всего было составлено 27 таких карт. Мы выявили, что в

большинстве случаев связи, которые студенты устанавливали между понятиями при визуализациях, имели лингвистическую природу. Студенты полагали, что «логически» связанными являются любые два понятия, с которыми можно составить осмысленное предложение, причем использование пассивного или активного залога было обусловлено соображениями симметрии визуальной схемы (как это видно на рисунке).

Рис.

Этот результат, как нам кажется, интересно проанализировать в контексте понятия «модели мира», сформулированного В. Н. Брюшкиным [1, с. 17]. Мы полагаем, что понятийная карта как раз представляет собой визуализацию такой модели. В этом смысле современные студенты демонстрируют взгляд на мир, где возможно установить связь между любыми двумя понятиями, и при максимальном выявлении таких связей можно будет получить плотную сетевую структуру наподобие постмодернистской ризомы, в которой «все связано со всем» и нет магистральных сюжетных (каузальных, классификационных) линий.

В рамках работы с суждениями (при построении умозаключений или аргументации) также имеют место ассоциативные связи, но уже другого рода, а именно такие, которые можно обнаружить в визуальной форме коммуникации. Так, некоторые студенты сталкиваются с серьезными трудностями в различении частных и общих суждений в собственных рас-

суждениях. На подобного рода затруднения в их связи с визуальностью указывал, в частности, Умберто Эко: «Если я предьявлю вам изображение пса, кусающего своего хозяина, — как вы различите частное и общее? У образов есть “платоническая сила”, они преобразуют частные идеи в общие» [4, с. 8]. Казалось бы, вербальным способом обозначить это различие не составляет труда, но с усвоением смысла этого различия неожиданно возникают проблемы, как если бы мышление формировалось на основании, в первую очередь, визуальных, а не логических форм. Кроме того, в попытке выстроить или реконструировать аргументированное рассуждение место логической необходимости зачастую занимает ассоциативная связь, наиболее близким аналогом которой можно назвать монтаж: один план может соединяться с другим в силу неких внешних причин без строгой внутренней необходимости. Наиболее интересным случаем выступает связывание суждений по принципу так называемого «match-cut». В кино этот тип монтажной склейки имеет место, когда два плана оказываются связаны друг с другом за счет одного общего для них элемента, который принадлежит им по принципу совпадения (схожая форма объекта в кадре, движение, ритм и т.д.). По тому же принципу и два суждения могут оказаться связаны друг с другом в карте аргументации, которую составляет студент: их связь друг с другом обосновывается за счет того, что они содержат одно общее понятие или просто вызывают схожую ассоциацию.

Наша гипотеза состоит в том, что они связаны с переходом к электронной текстовой культуре с характерными практиками восприятия информации при использовании социальных сетей, поисковых систем, при просмотре видеоконтента и т.д. Мы полагаем, что увеличение доли цифрового восприятия информации в реальной жизни человека при формировании и развитии мышления (особенно в школьные годы) приводит к такого рода результатам.

Список литературы

1. *Брюшинкин В. Н.* Когнитивный подход к аргументации // *Рацио.ги*. 2009. № 2. С. 3—23.
2. *Пинкер С.* Рациональность: что это, почему нам ее не хватает и чем она важна / пер с англ. Г. Бородиной. М., 2023.
3. *Халперн Д.* Психология критического мышления / пер. с англ. Н. Мальгина [и др.]. СПб., 2000.
4. *Эко У.* От Интернета к Гутенбергу // *Новое литературное обозрение*. М., 1998. № 32. С. 5—14.

История довузовского преподавания логики в Российской империи на начальном этапе становления системы образования¹

Рассматривается доуниверситетское преподавание логики в Российской Империи в период формирования системы образования. Отмечены явная связь логики с теорией познания и, шире, с методологией образования и самообразования: логическое знание рассматривается как способ любого познания.

Ключевые слова: логика, довузовское образование, просвещение, М. В. Ломоносов, А. Т. Болотов

В истории преподавания логики в Российской империи можно выделить несколько этапов: предварительный длился до учреждения в 1755 г. Московского университета; начальный — с 1755 по 1804 г. Мы остановимся на начальном этапе. В 1755 г. вышел Именной указ Елизаветы Петровны об учреждении Московского университета и двух гимназий [4, с. 284—287, 289—294]. Министерская реформа 1804 г. выстраивала четкую универсальную систему образования [10].

В рамках очерченного периода вышло в свет значительное количество учебных пособий, затрагивавших вопросы логики и сыгравших значительную роль в становлении логической пропедевтики. Среди них можно выделить следующие книги: «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова, 1748, 1759, 1765 гг. [5; 6]; переводы «Логики» Х. Баумейстера, 1760, 1787 [11; 12]; перевод «Логики» Вольфа, 1765 [2]; пере-

¹ Статья подготовлена под научным руководством канд. филос. наук Л. С. Сироткиной (БФУ им. И. Канта).

© Афанасьев М. В., 2025

вод «Оснований умственной и нравственной философии» И. Г. Гейнекция, 1766 [3]; «Письма к немецкой принцессе» Л. Эйлера, 1767 [13]; «Логика» А. Т. Болотова, 1787 [1]; «Логика и риторика» А. С. Никольского, 1790 [7]; «Умословие, или умственная философия» И. С. Рижского, 1790 [8].

В 1744 г. М. В. Ломоносов составляет «Краткое руководство к риторике» [6] и преподносит его наследнику престола. Мы можем вычленить в ней некоторые логические элементы. Во введении к [5] Ломоносов определяет риторику как науку таким образом строить изложение предмета, чтобы в его истинности можно было легко убедиться. В первой части «Изобретение идей» (то есть высказывание / выражение) содержатся понятия и дистинкции, с этим связанные. В первой главе «Изобретение простых идей» в п. 13 Ломоносов называет с вольфианским прибавлением логические рода Аристотеля, но применительно к риторике, и далее дает определения каждого из них. В п. 30 говорит о построении определения, а в п. 36 — об основаниях деления. В четвертой главе «Изобретение доводов» в пп. 65—66 вводит и объясняет правило достаточного основания, в п. 68 — правило исключенного третьего. В п. 119 вводятся понятия силлогизм, энтимема, дилемма. При этом он часто проводит сопоставление и через него размежевание логики и риторики.

Болотовский учебник [3], изданный в один год со вторым переводом «Логики» Х. Баумейстера и, вероятно, на нее ориентированный, начинается с того, что во «Введении» автор выстраивает общую рамку знаний и направлений обучения, в которой логика предстает умением отделить истинное от ложного. Предметом науки логики полагается: понятие (*Idea*), рассуждение (*Iudicium*, «суждение») и умствование (*Rationatio*, «умозаключение»). В первой части главы «О понятиях» утверждается, что все заблуждения происходят из неверных понятий. А. Т. Болотов кратко пересказывает вольфианскую гносеологическую картину. Затем весьма простым языком с переложением латинских терминов на русский излагается воль-

фианская логика. Во второй части вводятся начала философии и методологической пропедевтики. В главе «О книгах» встречаемся с понятием об их чтении как обучении, верно пользоваться которым учит логика. В последней главе «О состязании» разъясняется польза публичных и частных диспутов.

Н. А. Никольский [7] начинает с преамбулы, в которой говорит о связи успешного обучения и метода, о необходимости вести обучение, ориентируясь на способности и уровень развития учеников. Во вступлении он связывает способности мыслить и излагать, обосновывая таким образом связь логики с риторикой в своем учебнике (и существенным образом их связь вообще). Далее идет вполне обычное содержание. Вторая, третья и четвертые части посвящены риторике и ее приемам. Здесь конкретное содержание то же, что и у Болотова.

Учебник И. С. Рижского [8] начинается введением общих логических понятий и указанием на их связи с познавательным процессом и структурой знания вообще; указываются основные логические операции, виды логических высказываний; в шестой и седьмой главах излагается учение о силлогизмах, фигурах, правилах построения суждения и вывода. Часть вторая посвящена исследованию истины — способам ее определения (непротиворечивость в суждениях; корреляция с опытом; истинность посылок), ошибкам и методам их исправлений. Часть третья трактует о «сообщении истины»; здесь вводятся основы риторики, в том числе положения о том, что речь должна соотнобразовываться с контекстом высказываний. Третья и четвертая главы посвящены возможностям самообразования; пятая — возможностям разделить полученные знания, распространить их.

Подводя итоги, укажем особенности представлений о логике в рассматриваемый период. Логика понималась не столько как самостоятельная дисциплина строго философского раздела знания, сколько как общая пропедевтическая, прохождение которой необходимо при всяком обучении; при этом часто

логика понималась ограничительно. Логические пособия развивались, их содержание не было строго очерчено. Тематическое ядро составляла логика от введения понятий и до правил построения силлогизмов с их видами; освещались гносеологические основания и выгоды ее изучения. Учебники ориентировались на разные возрасты и на различную степень подготовки. Наконец, каждый из учебников был явно ориентирован на формирование необходимых для дальнейшего обучения (в том числе философии) знаний, умений, навыков; предполагалась возможность продолжения самостоятельного образования. Ни один из учебников не претендует на исчерпывающую полноту.

Список литературы

1. *Болотов А. Т.* Детская логика, сочиненная для употребления российского юношества. М., 1787.
2. *Вольф Х.* Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды. СПб., 1765.
3. *Гейнекий И. Г.* Основания умственной и нравственной философии вообще с сокращенною историей философии. М., 1766.
4. *Именной указ об учреждении Московского университета и двух гимназий // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 14.* СПб., 1830. С. 284—287, 289—294.
5. *Ломоносов М. В.* Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. М. ; Л., 1953. С. 89—378.
6. *Ломоносов М. В.* Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. М. ; Л., 1952. С. 19—80.
7. *Никольский Н. А.* Логика и Риторика: Кратким и для детского возраста удобопонятным образом расположенная, изъясненная и в пользу юношества изданная. СПб., 1790.
8. *Рижский И. С.* Умсловие, или умственная философия, написанная в Санкт-Петербургском горном училище в пользу обучающегося в нем юношества Иваном Рижским. СПб., 1790.

9. *Устав народных училищ* // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 22. СПб., 1830. № 16421. С. 646—662.

10. *Устав учебных заведений, подведомых университетам* // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 28. СПб., 1830. № 21501. С. 626—644.

11. *Христиана Бауместера Логика*. С латинского на русский язык переведенная лейбгвардии Измайловского полка сержантом и Императорского Московского Университета студентом А. Павловым. М., 1760.

12. *Христиана Баумейстера Логика* / пер. с латинского. М., 1787.

13. *Эйлер Л.* Письма к немецкой принцессе о разных физических и философских явлениях. СПб., 2002. С. 201—203, 208—243.

Часть 4

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

УДК 13:159.9

Т. Г. Румянцева

Способы задания человеческой субъективности в классической и неклассической философии

Рассматриваются принципиально разные способы задания одной из фундаментальных установок философской мысли — человеческой субъективности; при этом выявляются существенные различия в трактовке и понимании субъекта познания, характерные для каждого из двух типов философствования — классического и неклассического, а также то, как по-разному задается здесь и антропологическая проблематика.

Ключевые слова: философская классика, неклассическая философия, человеческая субъективность, Мамардашвили, «смерть субъекта», Фуко

Процесс становления неклассического типа философствования хронологически связывают с последней третью XIX столетия. Именно тогда появляются первые школы и направления, сначала частично, а затем и полностью отвергающие базовые принципы, сложившиеся в предшествующие столетия развития западноевропейской мысли. Отказ от парадигм клас-

сического философствования инициирует возникновение философских программ, основанных на радикально иных принципах понимания как предмета, так и многих фундаментальных установок и презумпций философской классики как таковой. Это относится и к таким базовым установкам, как способ задания человеческой субъективности и понимание места и роли субъекта в процессе познания. В классической и неклассической философии они будут трактоваться по-разному.

Большой вклад в осмысление специфики трактовки субъекта в границах классического рационализма внес советский философ М.К. Мамардашвили. Так, описывая способ задания человеческой субъективности в классической философии, он выделял следующие присущие ему характеристики: а) представление о «прозрачности» для познающего субъекта собственного сознания; б) веру в непрерывное совершенствование предзаданных свойств разума в истории, а также в) мысль о сводимости всех слоев и уровней сознания к некоторому единому рациональному центру [1].

Согласно Мамардашвили, для философской классики в целом, и это особенно видно на примере кантовской трансцендентальной философии, было характерно проектирование особой модели, или конструкции, идеального субъекта, которую он назвал «чистым» сознанием. Это был присущий тогдашнему рационализму особый, специфически философский способ познания окружающей действительности. Речь шла о том, что составить истинное представление об объективном мире можно только апеллируя к самому субъекту, выделяя в его структуре ряд элементов, которые способны выполнить эту познавательную задачу. На примере кантовской трактовки сознания мы видим, какое значение было уделено выявлению в этом сознании его внутренней структуры — своего рода схемы, в которой представлялся и фиксировался образ познаваемого объекта. Именно сознание и становилось здесь той единственной и абсолютной инстанцией, которая была способна составить адекватное представление о предмете, как бы задавая правила его образования.

Классический способ задания человеческой субъективности отличался, таким образом, тем, что осуществляемый в его рамках акцент на работу внутренних механизмов сознания предполагал и делал возможным познание мира. При этом разработанный философской классикой идеальный конструкт в виде «чистого сознания» (трансцендентальный субъект у И. Канта) мыслился как общезначимый, универсальный, лишенный каких-либо эмпирических, субъективно-психологических и иного рода подобных характеристик. Возвращаясь к Мамардашвили, отметим, что именно в этом он и видел главную специфику классической трактовки человеческой субъективности и способа ее задания. Затем на смену такого рода ее пониманию постепенно приходит существенно иное, назовем его ресубъективирующим, видение рефлексивных актов.

Классика трактовала сознание субъекта не только как «чистую» познающую инстанцию, но и отводила ей особое, можно сказать, привилегированное место в мире, ничем и никем не ангажированное, как те «геометрические аксиомы, которые не задевают интересы людей». Только благодаря этому и становилось возможным постижение абсолютной истины. Такое присутствие субъекта как абсолютного наблюдателя, являющегося последним источником всех содержаний сознания, Мамардашвили обозначил как «принцип трансцендентализма» [1, с. 50].

Что же касается задания способа человеческой субъективности в неклассической философии, то здесь мы становимся свидетелями радикально иного подхода, проявляющегося, прежде всего, в изменении понимания самой сути субъект-объектных отношений. Вместо субъекта, который, будучи абсолютным наблюдателем, ничего не привносит от себя лично в конструирование образа познаваемого объекта, приходит другой субъект. Он понимается уже как находящийся внутри того, о чем он мыслит, как вносящий достаточно существенные коррективы в видение того объекта, который вовлекается в круг им познаваемого. Утверждается принципиально иная схе-

ма взаимоотношения субъекта и объекта, когда они мыслятся как с самого начала тесно связанные друг с другом. «Вместо S-O бинаризма, являвшегося семантическим стержнем всей классической философии, приходит утрата ею своего основополагающего статуса. Задается такой вектор философствования, внутри которого невозможно задать эту жесткую дихотомию» [2, с. 11].

Впоследствии философия эпохи постмодерна вообще «принесет в жертву субъект познания», придя к выводу о невозможности самого использования термина «субъект», вполне в духе Ф. Ницше полагая, что субъект — это не более чем дань классической философской традиции. Так, М. Фуко в работе «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» (1977) вообще введет термин «смерть субъекта», с помощью которого начнется критическое переосмысление представлений о субъекте в классической философии, лишение его привилегированного статуса и уникальности.

Специфика трактовки человеческой субъективности в границах классического рационализма была тесно связана и с тем, как был задан здесь образ самого человека. Для его понимания в классике был характерен так называемый когнитивизм, то есть редукция многообразных духовных структур только к познавательным процедурам и понимание человека по преимуществу как познающего субъекта.

Неклассическая философия значительно обогащает образ человека, включая в трактовку его существования многочисленные ранее игнорируемые характеристики и факторы, а именно: социально-исторические, физиологические и т. п. А главное, здесь акцентируется вовлеченность человека в культуру и социум; впервые анализируются такие присущие ему характеристики, как телесность, сексуальность, болезнь, безумие, смерть и т. п. Трактовка человека как, по преимуществу, субъекта познания, рационально мыслящего существа, размывается: «Оно», «Я» и «Сверх-Я» у З. Фрейда; примат интуитивно-витального у Ф. Ницше; сведение сущности человека к совокупности об-

ственных отношений у К. Маркса и т. п. Все это и становится демонстрацией отказа от традиционно-когнитивистского понимания человека и классического способа задания антропологической проблематики.

В эпоху постмодерна мы наблюдаем еще более радикальное видение образа человека, как не более чем недавнего изобретения, которое «исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [3, с. 404].

Таким образом, при переходе от классического к неклассическому типу философствования радикально меняются способы задания человеческой субъективности и антропологической проблематики, изменяется понимание сущности субъекта, субъектно-объектных отношений и трактовка базовых познавательных процедур.

Список литературы

1. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. М. : Лабиринт, 1994.
2. *Румянцева Т.Г.* Введение. Классическая и современная западная философия: проблемы преемственности и развития // Современная западная философия / под общ. ред. Т.Г. Румянцевой. Минск, 2009. С. 5—17.
3. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с франц. В.П. Визгин, Н.С. Автономова. СПб., 1994.

Темпоральная модель сознания¹

Рассматривается темпоральная структура мышления в соответствии с моделью расслоенного времени и квантовой концепцией сознания. Физическое действие, проявляющееся в текущем настоящем времени, рассматривается как психофизическая проекция психической деятельности, осуществляемой в темпоральном расслоении, на базовое физическое время.

Ключевые слова: сознание, информация, темпоральное расслоение, психофизическая проекция, нелокальность, квантовый уровень

Сознание функционирует в трех временных модусах — прошлого, настоящего и будущего времени, которым соответствуют три модуса мышления — память, внимание и воображение. В физическом мире сознание проявляется через волевое действие и восприятие внешних физических действий посредством органов чувств. Таким образом, физическое тело реально живет только в настоящем времени, так как прошлого для него уже не существует, а будущее еще не наступило. Так же как разные физические тела могут занимать разные места в пространстве и не могут быть одновременно в одном и том же месте, так и различные физические состояния одного и того же тела не могут сосуществовать в одно и то же время, а существуют отдельно друг от друга в различные временные моменты.

¹ Статья подготовлена при поддержке БРФФИ (проект № Г24МС-002 «Квантово-подобное моделирование социогуманитарных систем и философия контекстуального реализма»).

© Спасков А. Н., 2025

Таким образом, для каждого тела есть определенное место в едином пространстве, которое является как бы единым невидимым телом, связывающим внутри себя все входящие в его структуру физические тела. И для каждого физического состояния есть определенный момент времени, последовательность которых в едином временном потоке определяет динамику качественных изменений тела и составляет в целокупности своего рода темпоральное тело организма, начиная с момента зачатия до момента физической смерти.

Внимание и феноменальный опыт сознания, а также волевые действия привязаны к настоящему времени. То есть мы, как физическое тело и сознательное существо, живем в настоящем времени. Но в состоянии бодрствования, когда наш ум сосредоточен на феноменах и мыслях, возникающих в нем в момент настоящего времени, мы способны также вспоминать уже прошедшие события и воображать (предвидеть) будущие события, которые, возможно, еще произойдут.

Но где хранится информация о прошедших событиях и откуда берется информация о будущих? Ведь если реально существует только настоящий момент времени, прошлого времени уже нет, а будущего еще нет, то и информация должна бесследно исчезать в небытии и в каждый настоящий момент появляться из ниоткуда.

Но на самом деле все не так — и прошлое, и будущее присутствуют в настоящем времени вместе с информацией, хранящейся в этих временных модусах. Это значит, как мы полагаем, что сознание имеет виртуальный доступ к событиям, которые уже произошли в прошлом, но с которым оно имеет нелокальную связь, присутствуя своим вниманием в настоящем. Сознание имеет также виртуальный доступ к будущим событиям, которые еще могут произойти и находятся пока в потенциальном состоянии суперпозиции всех возможностей в модусе будущего времени.

Таким образом, сознание по своей сути не укладывается в однопараметрическое представление линейного и локального

физического времени, для которого статусом реального существования обладает только момент текущего настоящего времени, фиксируемого показанием физических часов. Оно имеет целостную нелокальную структуру и распределено в темпоральном расслоении, охватывающем прошедшие и будущие временные слои, связанные нелокально с базовым настоящим временем, в котором происходит реальная физическая и психическая деятельность. Мы используем в данном случае математическую теорию расслоенного пространства и применяем ее в геометрическом представлении расслоенного времени [2, с. 57].

Наша гипотеза заключается в том, что в психофизическом действии, порождающем причинно-следственную структуру времени, осуществляется проекция расслоенного времени психики и сознания на базовое физическое время жизнедеятельности организма. Другими словами, в реальном физическом времени мы наблюдаем результат проецирования мыслительной деятельности, которая осуществляется в расслоенном времени сознания и подсознания (темпоральном расслоении), в линейную последовательность базовых моментов-событий, определяющих причинно-следственную структуру одномерно-го и однонаправленного физического времени.

Это значит, что сознание преобразует сложную мыслительную деятельность, которая происходит в расслоенном внутреннем времени в отдельные базовые моменты, в которых осуществляется волевое действие, выражающее результат мыслительных операций, представленный в виде отдельного момента. А это преобразование и есть, по сути, проекция информационных процессов, которые происходят в темпоральном расслоении психики в некоторый «информационный след» во внешнем базовом времени жизнедеятельности физического тела.

Такое проецирование, возможно, осуществляется на квантовом уровне в момент физического взаимодействия с квантовым объектом, который описывается редукцией волновой

функции. В этом случае саму волновую функцию можно интерпретировать как некоторую информационную структуру, образованную в результате мыслительной деятельности в темпоральном расслоении, а физическое событие, которое происходит в результате свободного волевого акта сознания или подсознательного автоматического акта и проявляется в состоянии тела в данный момент, можно интерпретировать как квантовое наблюдение, в котором осуществляется редукция волновой функции сознания, содержащей все потенциально возможные состояния, в одно, действительно реализованное состояние тела [1].

В классической функциональной концепции сознание возникает как эпифеномен в результате нейрофизиологических процессов в головном мозге, а нейроны рассматриваются как узлы, переключающие информационные потоки. Мы полагаем, что сознание имеет квантовую природу и не редуцируется к нейронной активности мозга, которая проявляется в актуальные моменты базового настоящего времени как нейрофизиологическая проекция психических процессов, происходящих в темпоральном расслоении на более глубоком квантовом уровне, где каждый нейрон работает в режиме квантового компьютера.

Список литературы

1. *Симанов А. Л., Спасков А. Н.* Квантовая основа сознания, или онтология психофизической квантовой реальности // *Философия науки.* 2020. № 1 (84). С. 128—137.
2. *Спасков А. Н.* Число и время. Часть I. Элементарная идея числа и квант времени // *Философия науки.* 2015. № 4 (67). С. 48—69.

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

УДК 165.61

А. Г. Пушкарский

Гёдель, Кант и проблема искусственного интеллекта¹

Рассмотрены точка зрения Курта Гёделя относительно значения его теорем для анализа природы искусственного и человеческого разума и аргумент Джона Лукаса о том, что первая теорема Гёделя о неполноте показывает, что человеческий разум не является машиной Тьюринга. Утверждается, что можно провести аналогию между построением архитектуры логико-математического знания, достигнутого в XX в., и кантовской системой логического и математического познания.

Ключевые слова: теорема Гёделя, аргумент Лукаса, искусственный интеллект, логика и философия математики Канта

В своей работе «О Гёделе» Якко Хинтиikka описывает ситуацию, сложившуюся в логике после появления теоремы Гёделя о неполноте следующим образом: «История логики за последние полтора столетия представляет собой остросюжетный рассказ, с перипетиями и разнообразными интригами... напоминает детектив в том смысле, что там присутствуют многочисленные ключи-подсказки, которые могут позволить читателю предвидеть грядущие события» [4, с. 58]. Одной из

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075-15-2019-1929 «Кантианская рациональность и ее потенциал в современной науке, технологиях и социальных институтах», реализуемый на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград).

сюжетных линий такого «детектива» несомненно можно считать поиск той роли, которую ограничительные результаты Курта Гёделя могли бы играть для проблемы ИИ.

Первая теорема Гёделя о неполноте утверждает, что любая формальная система, которая включает в себя формализацию рекурсивной арифметики, если непротиворечива, то неполна. То есть в такой системе можно конструктивно построить некоторую истинную, но неразрешимую формулу: такую, которую в данной системе нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Такую формулу обычно называют предложением Гёделя. Это утверждение вида «Я недоказуема в S », где S — наша формальная система. Если мы предположим, что предложение Гёделя может быть доказано в S , то в силу ее предполагаемой (семантической) непротиворечивости оно должно быть истинно в S . Но в предложении утверждается, что оно недоказуемо, поэтому мы не можем доказать его в S . Предположение, что предложение Гёделя доказуемо в S , приводит к противоречию. Таким образом, если S непротиворечива, она не является полной, поскольку в ней существует истинное утверждение, которое не может быть доказано в данной системе.

Если обратиться к точке зрения самого Гёделя о значении его теорем относительно природы искусственного и человеческого разума, то его ответ, который он изложил по этому вопросу в своей знаменитой Гиббсовской лекции (1951), звучит довольно озадачивающе: «Либо математика незавершаема в том смысле, что ее очевидные аксиомы не могут быть охвачены конечным правилом, то есть человеческий ум (даже в области чистой математики) бесконечно превосходит возможности любой конечной машины, или же существуют абсолютно неразрешимые диофантовы проблемы обозначенного выше типа (не исключен и третий случай, когда истинны оба члена дизъюнкции, так что есть, строго говоря, три альтернативы)...» [1, с. 177].

Как понимать этот кажущийся необычным ответ Гёделя? Если человеческий разум представляет собой конечную машину, например машину Тьюринга определенного вида, то существуют абсолютно неразрешимые математические пробле-

мы. Но если он «бесконечно превосходит возможности любой конечной машины», то не существует абсолютно неразрешимых математических проблем. Но в каком смысле? Например, упомянутая Гёделем диофантова проблема, как было доказано в 1970 г. советским математиком Ю. Матиясевичем, неразрешима в общем случае. Г. Крайзель, автор биографии Гёделя, приводит следующее его высказывание: «Однажды в разговоре Гёдель привел одну из своих любимых закрученных формулировок: либо наш ум не является механическим, либо математика, и даже арифметика, не является нашей собственной конструкцией» [2, с. 125]. То есть математика может быть порождением работы человеческого разума, превосходящего по своим возможностям любой возможный механизм. Можно предположить, что именно в таком смысле Гёдель считает возможным и третий вариант дизъюнкции: человеческое мышление бесконечно превосходит возможности любой конечной машины, и одновременно существуют неразрешимые математические предложения, то есть такие, истинность которых может быть установлена человеческим разумом, но которые неразрешимы тем или иным механическим способом.

Конечно, упомянутые высказывания Гёделя вызвали бурные дискуссии и породили множество различных интерпретаций, однако именно последнее рассуждение легло в основу одного знаменитого аргумента против механицизма, то есть представления работы человеческого мышления как работы определенного вида вычислительного механизма. Британский философ Джон Рандольф Лукас в работе «Разум, машины и Гёдель» в 1961 г. сформулировал свой аргумент, на основании которого можно построить опровержение любого правдоподобного механистического тезиса, который может быть когда-нибудь предложен. По его мнению, Гёдель очевидно считает второй дизъюнкт ложным и таким образом неявно отрицает, что любая машина Тьюринга способна имитировать возможности человеческого разума. В основе самого аргумента Лукаса лежит доказательство Гёделя. Рассмотрим машину, построенную для вывода арифметических теорем. Операции такой машины будут аналогичны некоторой формальной системе.

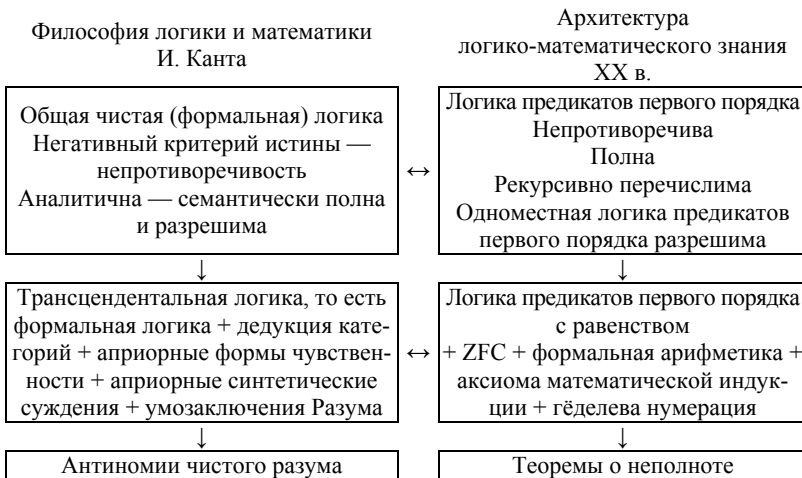
Теперь предположим, что мы построили предложение Гёделя для этой формальной системы. Поскольку предложение Гёделя не может быть доказано в системе, машина не сможет определить данное предложение как истину арифметики. Однако для человеческого разума его истинность оказывается в принципе познаваемой. Таким образом, существует по крайней мере одна вещь, которую может сделать человеческий разум, но не может ни одна машина. Следовательно, «машина не может быть полной и адекватной моделью разума» [7, р. 113], и человеческий разум не является машиной. И, по мнению Лукаса, возможно, первым поддержавшим его версию аргумента был сам Гёдель.

Аргумент Лукаса, естественно, вызвал множество возражений. Например, утверждается, что мы на самом деле противоречивы [6], или что алгоритм, которому следует человеческий разум, настолько сложен, что мы, возможно, никогда не сможем сформулировать собственное предложение Гёделя [9], или выдвигаются возражения против тех идеализаций человека и машины, которые порождает аргумент Лукаса и которые не будут подвержены ограничениям, имеющим место в действительности [5], и т. д. и т. п. Однако причина, по которой аргумент Лукаса до сих пор привлекает такое большое внимание, заключается в том, что его правильность будет означать, что вычислительная теория разума, утверждающая, что человеческий разум — это компьютер, а также различные формы механицизма и функционализма оказываются просто ложными. То же самое касается и программы сильного искусственного интеллекта, то есть идея о том, что, по крайней мере в принципе, можно построить машину, обладающую теми же когнитивными способностями, что и люди, будет невыполнимой, если аргумент Лукаса окажется верен.

Однако обратим внимание на ту форму второго дизъюнкта высказывания Гёделя, которая была озвучена Крайзелем. Его с некоторым переосмыслением можно переформулировать таким образом: математика есть порождение конструктивных

способностей человеческого разума, который, в свою очередь, бесконечно превосходит возможности любой вычислительной машины, и, соответственно, существуют такие математические истины, которые не могут быть выведены с их помощью. Это утверждение удивительным образом соответствует тому, как представлял чистое математическое мышление И. Кант, которого, кстати, Гёдель изучал довольно тщательно. Для возникновения современной логики, которая привела к доказательству ограничительных теорем, была необходима определенная историческая традиция. Для философской системы Канта одной из ключевых задач было определение природы логического и математического мышления, его обоснование, а также демаркация логического и математического мышления.

Более того, можно провести, допуская определенные «вольности», аналогию между построением архитектуры логико-математического знания, достигнутого в XX в., и кантовской системой логического и математического познания, схематично представленной на диаграмме:

Следует отметить, что чистой общей логике Канта в виде силлогистики должно соответствовать одноместное исчисление предикатов, в силу ее аналитичности, с конечной предметной областью. Собственно математической логики у Канта не было, но по аналогии с трансцендентальной логикой, логикой *specialis* метафизики, математическая логика должна быть логикой *specialis* математики. А математическое познание, по Канту, осуществляется через конструирование понятий, в том числе и посредством априорных синтетических суждений, которые, в свою очередь, требуют выхода за пределы предметного содержания таких суждений. Таким образом: «...логика аналитических суждений, то есть логика для выведения суждений двух аналитических форм, является полной и разрешимой, в то время как логика синтетических суждений является неполной и неразрешимой, как было показано Гёделем. То, что теорема о неполноте относится к логике синтетических суждений, очевидно» [3, с.15].

Однако для машины Тьюринга истинность равнозначна доказуемости, и она знает только то, что может доказать. Неполнота и неразрешимость математики, которая следует из теоремы Гёделя, означает, что существуют недоказуемые истины математики. Похоже, что человеческий разум способен справиться со случаями, в которых истина и доказуемость расходятся, чего машина Тьюринга не может сделать. Но тогда мы не сможем быть машинами Тьюринга. Канадский философ Сторрс Макколл отмечает: «Ахиллесова пята всех машин Тьюринга в том, что ни для одной из них не существует категорий «истинно, но не теорема» и «теорема, но не истинно». Пропась, разделяющая человеческое мышление и мышление машины, — это пропасть, разделяющая доказуемость и истину» [8, p. 532].

Список литературы

1. Гёдель К. Некоторые основные теоремы в основаниях математики и их следствия (1951) // Хинтиikka Я. О Гёделе ; Курт Гёдель. Статьи. М., 2014. С. 166—200.

2. *Крайзель Г.* Биография Курта Гёделя. М., 2003.
3. *Мартин-Лёф П.* Логика сегодня. Аналитические и синтетические суждения в теории типов // Логико-философские штудии. Т. 9, № 1. 2011. С. 5—17.
4. *Хинтиikka Я.* О Гёделе. М., 2014.
5. *Boyer D. J. R.* Lucas, Kurt Godel, and Fred Astaire // *Philosophical Quarterly*. 1983. Vol. 33. P. 147—59.
6. *Hutton A.* This Gödel is Killing Me // *Philosophia*. 1976. Vol. 3. P. 135—44.
7. *Lucas J. R.* Minds, Machines and Gödel // *Philosophy*. 1961. Vol. 36. P. 112—127.
8. *McCall S.* Can a Turing Machine Know that the Gödel Sentence is True? *Journal of Philosophy*. 1999. Vol. 96 (10). P. 525—32.
9. *Wright C.* Intuitionists are Not Turing Machines // *Philosophia Mathematica*. 1995. Vol. 3 (1). P. 86—102.

Применение формальной онтологии для создания искусственного интеллекта

Представлена попытка продемонстрировать достижения и перспективы будущего развития формальной онтологии в области программирования искусственного интеллекта на примере анализа некоторых уже сложившихся языков программирования с использованием формальной онтологии в их разработке.

Ключевые слова: онтология, формальная онтология, искусственный интеллект, языки программирования

Формальная онтология с 1900 г. в философии понималась как способ выстраивания учения о бытии в правилах формальной логики. Она получила определенный набор методов, который на каждом этапе развития описывался по-разному, но в конечном итоге суть сводилась к последовательным описанию, анализу, внедрению в существующее знание о бытии. Предмет изучения онтологии постоянно расширялся: если первоначально принимали за предмет вещи материального мира, учитывая их индивидуальность, то впоследствии предмет формальной онтологии стал вбирать в себя все материальное в конструктивном подходе и идеи, связанные с материально выраженными предметами.

Статус онтологии в последние 20 лет сильно изменился. Понятие стало активно применяться в компьютерной лингвистике, биоинформатике, энергетике, информационной безопасности, юриспруденции и других дисциплинах. Так, один из фундаментальных исследователей онтологии в ключе системы

знаний Томас Грубер (1995 г.) определяет онтологию как спецификацию упрощенного представления о мире (концептуализации) [1].

Онтология в новом формате ориентируется на написание программы искусственного интеллекта (далее — ИИ). Теперь для нее необходима еще более четкая работа с логическим аппаратом, который на естественном языке предоставляется к каждому коду. Т. Грубер представил в своем труде перечень объективных критериев для проектирования онтологий.

1. Ясность. Онтология должна точно давать значение всего используемого терминологического аппарата. Определения должны быть объективными. Определение должно стремиться к как можно более полной передаче информации о сущности термина. Все определения должны быть задокументированы на естественном языке.

2. Последовательность. Онтология должна санкционировать выводы, непротиворечивые определениям. Если предложение, которое можно вывести из аксиом, противоречит определению или примеру, данному неформально, то онтология непоследовательна и нуждается в переработке.

3. Расширяемость. Онтология должна быть разработана таким образом, чтобы предвосхищать использование общего словаря. Он должен предложить концептуальную основу для ряда ожидаемых задач, а представление должно быть построено таким образом, чтобы можно было монотонно расширять и специализировать онтологию. Другими словами, нужно иметь возможность определять новые термины для специального использования на основе существующего словаря таким образом, чтобы не требовалось пересмотра существующих определений.

Погрешность кодировки почти неизбежна, но составление системы обязано следовать общим принципам назначения кода. Предвзятость кодирования базы данных должна быть сведена к минимуму, поскольку агенты обмена знаниями могут быть реализованы в различных системах и стилях представления. То есть это может сказаться в некорректном формировании системы третьих лиц.

Онтологические обязательства должны присутствовать в разработке системы, но для каждой онтологии они должны быть сведены к минимуму (достоверности данных и их объективности). Это необходимо с целью дальнейшего использования базы данных для формирования новых онтологий.

Таким образом, критерии в первую очередь ориентируются на то, чтобы создавать новые онтологические системы, и контролируют в основном адекватность базы данных, нежели базы знаний. Эти критерии находят одобрение у большей части научного сообщества, формируя неформальный свод правил для исследователей. На концепцию Грубера ссылаются американские исследователи Б. Смит, Б. Хеллер, Х. Херре и В. Деген. Ключевая особенность их творчества заключается в практичности. На основе идей Грубера они составили ряд проектов внедрения формальной онтологии в область ИИ. Два основных из них будут представлены в работе.

С развитием вычислительной техники и сети интернет возникла потребность в улучшении принципов устройства базы данных, и отличным подспорьем стала формальная онтология. У онтологии в целом появилось новое понимание как науки о концептуализации, под которой имеется в виду абстрактное, упрощенное представление о мире. Это послужило развитию онтологии как базы знаний предметной и предельно общей области, которая выстраивается по правилам формальной онтологии.

Такие базы знаний и принципы их устройства стали применяться на уровне кода в языках программирования: язык OWL полностью построен на принципах формирования формальной онтологии и служит для поисковых систем, открыв практически реализованную возможность семантического поиска; язык СусL в проекте Сус является также способом оформления базы знаний на логическом аппарате в области работы со словарями.

База знаний, последовательно сформулированная на принципах формальной онтологии, открывает новые возможности обучения ИИ. Так, в рамках проекта OntMed был разработан язык GOL, полностью сформированный по логическим прави-

лам формальной онтологии, включая в основном верхний и нижний уровни, но в силу использования в узкой предметной области послужил основным принципом к обучению слабого ИИ в области медицины.

Основывание принципов программирования базы знаний на классических языках программирования ИИ не является предметно привязанным и позволяет привлечь более широкий круг исследователей к работе в данной области. Однако парадигма программирования, выходящая из основ формальной логики, сильно ограничивает возможности для создания сильного ИИ. Так язык KIF на базе языка LISP применим для создания обширной и последовательной базы знаний, но для создания сильного ИИ он слишком ограничен.

Отметим, что способность к общению на естественном языке сильным ИИ в рамках формальной онтологии в принципе реализуема и зависит от того, насколько глубоко понимать это общение. За формализмом логического восприятия мира неизбежно будут выводиться формальные речи. ИИ в таких условиях будет способен воспринимать вопросы и ответы, выстраивать диалог, но только пока собеседник действует в рамках его логики. На практике далеко не каждое суждение человека в ходе разговора логично.

Объединение же всех этих принципов в рамки сильного ИИ в границах формальной онтологии не представляется возможным.

Таким образом, формальная онтология, используемая для формирования баз знаний, имеет потенциал развития в области ИИ. Как минимум на данный момент уже существуют системы, на принципах онтологии которых функционирует слабый ИИ.

Список литературы

Gruber T. Toward Principles for the Design of Ontologies Used for Knowledge Sharing. URL: https://www.researchgate.net/publication/2626138_Toward_Principles_for_the_Design_of_Ontologies_Used_for_Knowledge_Sharing (дата обращения: 15.12.2024).

И. К. Ставровский

Дуализм и проблема создания сильного искусственного интеллекта

Демонстрируется, что дуализм несостоятелен как минимальная теория сознания для решения проблемы создания сильного искусственного интеллекта. Данный подход создает ряд затруднений, не давая никаких преимуществ. Это утверждение равно относится к религиозному дуализму, наивному дуализму А. Тьюринга или, например, к натуралистическому дуализму Д. Чалмерса.

Ключевые слова: *сильный искусственный интеллект, дуализм, физикализм, философия сознания, Тьюринг, Чалмерс*

Обсуждение возможности создания сильного искусственного интеллекта неизбежно предполагает предварительное принятие (хотя бы имплицитное) некой теории сознания. Однако важно изначально ограничить рассмотрение этой проблемы так, чтобы не произошла подмена, когда разговор о сильном искусственном интеллекте полностью уступает место разговору о природе сознания. Нам нет необходимости искать ответ на вопрос о том, какая теория сознания является истинной как таковая, вместо этого достаточно определить, какая из них лучше выполняет роль концептуальной схемы, то есть системы категорий для организации опыта [2]. Иными словами, нам нужна минимальная теория сознания — самое общее описание природы сознания, содержащее минимальное число допущений. Преимущество такого подхода не только в том, что такую концепцию может принять большее число людей, но и в том, что она сохраняет гибкость. Минимальную теорию сознания при необходимости легко дополнять и пересматривать.

По нашему мнению, наиболее подходящим на роль минимальной теории сознания является физикализм. В пользу такого выбора говорит уже то, что данная концепция доминирует в философии сознания [1, с. 10]. Кроме того, она не добавляет в онтологию новые сущности, избегает необоснованных допущений, а также делает сам разговор о создании сильного искусственного интеллекта осмысленным. Дуализм же лишен всех или части из этих преимуществ. Более того, он усложняет обсуждение проблемы, не давая ничего взамен. Это мы попытаемся продемонстрировать ниже.

В первую очередь остановимся на версиях дуализма, где ментальное, как правило, описывается в категориях «души», «духа» и т. п. Чаще всего подобный подход встречается в религиозных, околорелигиозных и мистических концепциях. Предполагается, что ментальное существует полностью или в значительной степени независимо от тела. Следовательно, никакие манипуляции материей не могут породить ментальное, потому и вопрос о возможности создания сильного искусственного интеллекта отпадает как бессмысленный. Если даже машина в принципе может обрести сознание, то только в результате чуда. Однако чудо в силу своей природы не может быть ни предсказано, ни контролируемо воссоздано. Потому нет смысла задавать вопросы о том, может ли оно произойти и при каких условиях. Таким образом, данная версия дуализма не может использоваться нами как минимальная теория сознания, так как делает бессмысленным само обсуждение проблемы создания сильного искусственного интеллекта.

Более выигрышно выглядят натуралистические версии дуализма, так как они признают хотя бы гипотетическую возможность создания сильного искусственного интеллекта. Такая версия дуализма в имплицитном виде содержится в рассуждениях А. Тьюринга и его последователей. В общем виде мозг представляется как компьютер, а сознание — как его программа. Мы знаем, что для выполнения новой задачи компьютеру нужно просто дать новую программу. При этом пере-

страивать саму машину требуется лишь в том случае, если для адекватного выполнения программы не хватает вычислительной мощности или памяти, то есть ограничения количественного, а не качественного толка. Если мы принимаем аналогию «мозг — компьютер, сознание — программа», то для создания синтетического разума нам достаточно манипулировать структурой формальных синтаксических объектов, чтобы сконструировать нужную программу [3].

Проблема наивного дуализма Тьюринга заключается в том, что приравнивание мозга к компьютеру, а сознания к программе представляет собой просто аналогию. У нас нет никаких оснований воспринимать ее всерьез, особенно учитывая тот факт, что принцип работы мозга / сознания фундаментально отличается от принципа работы компьютера / программы. Это просто разные сущности. Более того, для выполнения любой программы требуется вполне конкретный материальный субстрат — определенным образом собранный компьютер. При этом на фундаментальном уровне программа является физическим состоянием. Запись любой информации предполагает физическое изменение носителя, равно как исполнение программы представляет собой последовательность физических процессов в компьютере. В противном случае нам не была бы нужна машина — вполне достаточно было бы, к примеру, записать программу на бумаге. Поэтому даже аналогия «мозг — компьютер, сознание — программа» должна склонять нас в сторону идеи о том, что материальный субстрат имеет принципиальное значение и манипуляции программой недостаточно.

Однако заметим, что дуализм в рассуждениях Тьюринга нельзя считать полноценной философской концепцией. В данном случае дуализм появляется в рассуждениях скорее в силу ошибки. Но есть авторы, которые принимают дуалистическую оптику осознанно. Самым известным примером подобного является натуралистический дуализм Д. Чалмерса [4], который утверждает, что наряду с различными фундаментальными фи-

зическим закономерностями также существуют квалиа. Они не часть материального мира, однако содержатся во всех физических процессах, где присутствует информация.

Проблема данной концепции заключается в том, что она не имеет никакого обоснования. Более того, нет даже приближительного понимания, как можно было бы доказать существование квалиа в том смысле, в каком о них говорит Чалмерс. Следовательно, эта концепция не является даже гипотезой в научном смысле слова. При этом позиция Чалмерса в вопросе возможности создания сильного искусственного интеллекта не слишком значительно отличается от взглядов физикалистов. Натуралистический дуализм лишь усложнит изложение и добавит в минимальную теорию сознания ненужные допущения, не предлагая ничего взамен.

Таким образом, мы не видим никаких (хотя бы гипотетических) преимуществ, которые дает та или иная версия дуализма для решения проблемы создания сильного искусственного интеллекта. Следовательно, именно физикалистская перспектива остается предпочтительной в данном вопросе.

Список литературы

1. *Деннет Д.* Сладкие грезы: Чем философия мешает науке о сознании. М., 2017.
2. *Дэвидсон Д.* Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия: Избранные тексты / сост. А.Ф. Грязнов. М., 1993. С. 144—159.
3. *Серл Дж.* Сознание, мозг и программы // Глаз разума. Самара, 2003. С. 314—331.
4. *Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М., 2015.

И. Е. Прись

О «новой этике» искусственного интеллекта М. Габриэля¹

Рассматривается «новая этика» искусственного интеллекта, предложенная М. Габриэлем. Утверждается, что, в отличие от интеллекта человека, искусственный интеллект лишен чувствительности к контексту. Искусственный интеллект имитирует интеллект, агентство, автономию, этику. Реалистическая концепция искусственного интеллекта противопоставляется его идеалистической концепции.

Ключевые слова: искусственный интеллект, этика, контекст, идеализм, реализм

Суть новой этики искусственного интеллекта (далее — ИИ), предлагаемой немецким философом М. Габриэлем, в том, чтобы в процессе глобальной кооперации различных культур, обладающих различными ценностями, создать мощный этический по своему дизайну ИИ, который бы помогал человеку открывать и социально-экономически воплощать новые моральные факты и законы, то есть активно способствовал бы не просто радикальным изменениям общества, а рационально контролируемому, научно направляемому моральному прогрессу. В отношении этого проекта у меня есть некоторые оговорки и опасения в том, в частности, что касается возможной потери человеком его автономии, по крайней мере частично.

¹ Статья подготовлена при поддержке БРФФИ (проект № Г24МС-002 «Квантово-подобное моделирование социогуманитарных систем и философия контекстуального реализма»).

© Прись И. Е., 2025

Я трактую отношение между ИИ и интеллектом человека в терминах категориального различия между идеальным (нормативным) и реальным. Это различие можно также объяснить в терминах витгенштейновской проблемы следования правилу.

ИИ не интеллект и в рамках существующей натуралистической парадигмы никогда им не будет, поскольку он лишен нормативного измерения, или, что эквивалентно, чувствительности к контексту.

Идея трансгуманизма — миф. В то же время прометеевский проект создания автономного ИИ по образу и подобию человека несет в себе угрозу, и от него следует отказаться.

Согласно новому моральному реализму Габриэля, существуют универсальные, априорные, абсолютные и неизменные моральные принципы, которые сначала открываются, а затем применяются во внешнем по отношению к ним контексте. Этот неоклассический подход к морали вступает в противоречие с реалистическим контекстуальным подходом французского философа Ж. Бенуа, сторонником которого я являюсь, и моральным реализмом британского философа Т. Уильямсона. Первичны не принципы, а моральное восприятие в контексте, парадигматические примеры морального знания.

Новая этика ИИ подразумевает общий подход Габриэля к морали. Но, если ИИ не чувствителен к контексту, тем более моральному, а суть морали заключается в такой чувствительности, возникает вопрос о возможности реализации предлагаемой Габриэлем программы морального прогресса при помощи ИИ и потенциальных последствиях попыток ее реализации.

С. Рассел предлагает альтернативу принципиализму. Суть его подхода в том, чтобы ориентировать этику ИИ на предпочтения человека, которые бы выявлялись из статистических данных о его поведении. Этот подход — индуктивизм — основан на иллюзиях.

ИИ — новый вид реальности. Но он не существует сам по себе (абсолютно), а интегрирован в социально-экономические и материальные отношения, практики.

Существует общая проблема контроля ИИ и, в частности, проблема согласования (alignment) этики ИИ и этики человека. Мы не в состоянии полностью контролировать ИИ, поэтому мы хотим, чтобы по крайней мере ценности ИИ совпадали или согласовывались с ценностями человека. Эта проблема может оказаться неразрешимой.

Но даже если ИИ будет относительно безопасен, мы можем попасть в зависимость от него, поскольку, живя в преобразованном под него мире, мы уже больше не сможем без него обойтись.

Андлер выдвигает принцип умеренности, который я и предлагаю принять: «Используйте ИИ только тогда, когда риски снижены, а выгоды значительны; используйте системы ИИ, которые максимально просты и способны обеспечить ожидаемый сервис».

ИИ — имитация интеллекта, этики, автономии, агентства (действия). В то же время системы ИИ можно рассматривать и как новый вид реальности. Концептуальные смещения искусственного и естественного, идеального и реального имеют нежелательные последствия, как теоретические, так и практические. Нам нужна реалистическая, а не идеалистическая концепция ИИ [1; 2].

Список литературы

1. *Прись И. Е.* Искусственный интеллект не интеллект и никогда им не будет // Наука и инновации. 2024. №9 (259). С. 26—29.
2. *Pris I. E.* On a New Ethics of AI and Moral Progress // London Journal of Research in Humanities & Social Science. Vol. 25, №2. P. 117—122.

СОБЫТИЯ

УДК 165.12

В. С. Попова

Рацио культуры и культура рацио: о новой монографии памяти В. Н. Брюшинкина

На заседании настоящего семинара 25 января 2025 г. была впервые презентована коллективная монография «Рацио культуры и культура рацио. Памяти В. Н. Брюшинкина». Книга посвящена современным разработкам вопросов, составлявших круг научных интересов профессора В. Н. Брюшинкина. В данной публикации дается краткий обзор монографии, детализируется отраженная в исследовании проблематика и авторские ракурсы исследуемых вопросов.

Ключевые слова: В. Н. Брюшинкин, рацио, логика, монография, память

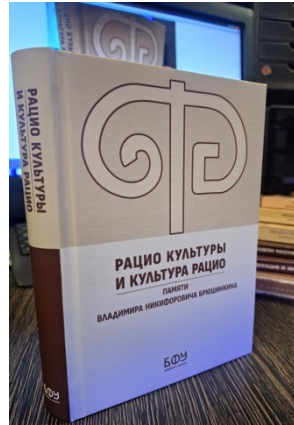
В конце 2024 г. состоялось важное для научного сообщества логико-философского семинара событие, связанное с памятью о Владимире Никифоровиче Брюшинкине. Вышла в свет коллективная монография под названием «Рацио культуры и культура рацио: Памяти Владимира Никифоровича Брюшинкина» (коллективная монография / отв. ред.-сост. и науч. ред. В. С. Попова, Л. С. Сироткина, В. А. Чалый. Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2024). Эта веха жизни и деятельности вокруг традиционного калининградского логико-философского семинара для меня и для коллег совершенно неординарная, поскольку был опубликован труд, который задумывался и реализовывался как осмысление научного наследия В. Н. Брюшинкина и состояния исследовательского поля его научных интересов в связи с прошедшим 70-летним юбилеем

ученого. Вместе с тем работа представляет собой именно коллективное исследование, и этот жанр несет на себе отпечаток тех научных связей и «круга разговора», который сформировался благодаря выдающемуся калининградскому логичу. Поэтому самая первая благодарность, которая должна быть запечатлена в презентации этой книги — благодарность нашему учителю, коллеге, вдохновителю, которому и посвящена работа — В.Н. Брюшинкину. Книга и начинается с посвящения, подготовленного одним из соредакторов Л.С. Сироткиной. Приведу несколько строк из него, которые передают ценностную и мемориальную интонацию представляемой работы: «Он всегда оставался настоящим человеком, потому что, несмотря на суету повседневности, никогда не переставал в ребенке, студенте, коллеге видеть человека и относиться к нему как к цели, но не как к средству. Он любил философию, логику, любил своих учеников, любил созданную им кафедру и созданный им философский мир в Калининграде» [1, с. 4].

Хочется поблагодарить Балтийский федеральный университет им. И. Канта, под эгидой которого выполнена работа, за поддержку в осуществлении этого важного дела и за бережное отношение к памяти выдающегося человека, составившего, несомненно, много славных страниц в жизни и развитии университета. Хочу поблагодарить и поздравить с выходом монографии своих соредакторов: Л.С. Сироткину и В.А. Чалого. Без солидарности, взаимного обмена творческими идеями и просто рутинной, напряженной и внимательной работы книга не могла бы состояться. Благодарю всех коллег, выступивших соавторами, предложивших интересные тексты, вложивших свой труд и ожививших воспоминания о личности и научных достижениях В.Н. Брюшинкина. Редакторский коллектив благодарен рецензентам монографии за благожелательное отношение к итогам коллективного труда: д-ру филос. наук, профессору, заведующей кафедрой философии Института социально-гуманитарного образования МПГУ И.Н. Грифцовой и д-ру филос. наук, профессору Института теологии СПбГУ Р.В. Светлову.

Переходя к содержанию книги, следует сказать несколько слов о ее обложке, которую мы постарались оформить с некоторой отсылкой к дизайну серии выходивших при жизни В. Н. Брюшинкина трудов Логико-философского семинара и выпусков библиотеки журнала РАЦИО. Кажется, эта отсылка вполне удалась.

Из-за масштаба значимости для нас личности Владимира Никифоровича, его наследия, того сообщества, которое он создал, нам было, признаться, трудно подступить к работе над такой книгой. Как все объединить? И первым родилось именно название монографии. Известно, что Владимир Никифорович любил элегантность, лаконизм выражений, игру слов, удачные метафоры, мастерски умел их формулировать. И название мемориальной монографии, которое родилось в одном из кабинетов университета в результате творческого обмена идеями коллег-редакторов, — это спонтанно получившееся заглавие. Его финальная формулировка привлекла своей краткостью и емкостью и, как нам показалось, отвечала духу, стилю мышления, одновременно, охвату научной деятельности В. Н. Брюшинкина. На обложке книги размещена эмблема кафедры философии, которую в первой половине 2000-х гг. утвердил Владимир Никифорович, а придумал дизайнер и художник, преподававший в то время на кафедре, Дмитрий Илиасович Делизонас. Эта эмблема потом красовалась на изданиях, символизировала электронный журнал РАЦИО, созданный Брюшинкиным, сопровождала фирменные презентации к его учебным курсам. Видимо, этот образ стал для нас архитипическим и повлиял на рождение названия монографии: это и знак философии, и зашифрованное Рацио, и его иррациональное, творческое альтер эго как две стороны одной медали, составляю-

щие начало слова «философия». В этой симметрично-асимметричной эмблеме отражается как бы восполнение альтернативных начал. А слово «восполнение» — это понятие в философии В.С. Соловьева, о котором размышлял Владимир Брюшинкин, выводя феноменологию русской души в ряде своих важнейших публикаций.

Отдельной непростой задачей было объединение под одной обложкой достаточно разнообразных, разнонаправленных исследований и формирование органичного совместного труда, обладающего внутренним единством. Эту целостность, общую канву монографии, позволившую без утраты уникальных авторских стилей представленных материалов придать изложению общность, обеспечил именно мемориальный характер монографии. Это единство можно назвать общим эпистемологическим стилем, подразумевающим объединившую авторов систему «предрассудков» в хорошем смысле этого слова как общего опыта, сферы разговора, обсуждений ряда тем и проблем, сформировавшихся в разное время вокруг Владимира Никифоровича. Каждое исследование стало, с одной стороны, отражением собственной индивидуальной траектории мысли каждого исследователя, и, с другой стороны, все же оказалось вписанным в единую систему координат. В качестве некоего общего знаменателя представленного труда можно выделить проблемы субъекта и объекта в рациональном познании, осмысление форм выражения научной рациональности и традиций ее становления, единства исторических, теоретических и практических аспектов воплощения рациио в культуре.

Книгу открывает глава 1 «В. Н. Брюшинкин и развитие философской рациональности». Параграфы главы с различных ракурсов представляют Владимира Никифоровича как философа, педагога, организатора науки и образования и как человека, коллегу, друга.

Глава 2 посвящена разрабатывавшемуся профессором Брюшинкиным понятию «логическая культура» (то, что можно назвать «рацио культуры»), под которым он понимал результат логической образованности человека, но также и в более

широком смысле — специфику места и роли логики в системе культуры. В книгу вошли обновленные, переосмысленные материалы исследований феномена логической культуры, полученные в процессе работы над проектом РГНФ «Логическая культура в России: прошлое и современность». Обращение к этой теме среди учеников некогда было инициировано В.Н. Брюшинкиным.

Глава 3 «Аргументация и интерпретации» имеет название, аналогичное заглавию одного из сборников трудов семинара «Модели рассуждений» 2006 г. (тогда состоялся самый первый семинар). Глава содержит интересные сведения об истории отечественной теории аргументации, в которую вписана страница развития школы логики и аргументации В.Н. Брюшинкина. Это не просто материал исследований, а свидетельство собственного опыта коллеги В.И. Чуешова. Далее рассмотрены герменевтические аспекты аргументации, которым традиционно уделяет исследовательское внимание Е.Н. Шульга, а также содержатся результаты развития системной модели аргументации учеником В.Н. Брюшинкина, его первым защитившимся аспирантом Э.С. Золотовым.

Глава 4 обращается к актуальной ныне логико-когнитивной проблематике. Она продолжает заложенные В.Н. Брюшинкиным традиции когнитивно ориентированных исследований рассуждений и аргументации. Материалы Дмитрия Владимировича и Натальи Валентиновны Зайцевых являются результатом их многолетней научной работы и посвящены рассмотрению когнитивной природы естественных рассуждений и соответствующих оснований их изучения. Авторы анализируют влияние когнитивно-феноменологического подхода на формирование нейрокогнитивных исследований интеллектуальных процедур. Д.В. и Н.В. Зайцевы отмечают, что во многом вниманием к этой теме обязаны именно В.Н. Брюшинкину, его научным трудам. Далее Л.С. Сироткина обращается к анализу понятия логической процедуры как когнитивной структуры, придавая собственную интерпретацию этой сущности. Интересен материал В.Л. Васюкова, посвященный канти-

анским мотивам в неклассической логике и, в частности, понятию трансцендентальности, предлагаемому Я. Хинтиккой. Упомяну здесь, что в 1980 г. В.Н. Брюшинкин с молодыми коллегами под руководством В.Н. Садовского выполнил перевод работ Яакко Хинтики для сборника «Логико-эпистемологические исследования».

Самая объемная глава 5 «Проблемы истории и методологии науки» содержит многообразные исследования, более узконаправленные на отдельные исторические и методологические ракурсы, но объединенные отсылками к опыту осмысления тех решений, которые можно найти в наследии В.Н. Брюшинкина. Каждый из параграфов этой главы по-своему важен, потому что отражает какой-то существенный аспект проблематики, интересовавшей Брюшинкина, например, проблема психологизма-антипсихологизма в философии логики и методологических основаниях науки. Эта тема сама по себе могла бы составить отдельную рубрику или даже книгу. И все же этот вопрос касается предметного и методологического статуса науки, механизмов развития научного знания, также как и вопрос о предметном поле и способе построения истории логики (материал А.Г. Пушкарского), и вопрос о происхождении формальных научных теорий, проанализированный Н.А. Ходиковой. Понятие «модель мира», к которому обращался В.Н. Брюшинкин как к методологическому инструменту, осмысливается в контексте современного взгляда на онтологию цифровых игр в материале М.Ю. Загирняка. Этот параграф осовременивает и придает прикладной смысл понятию «модель мира». К кантианским мотивам в философии науки обращен исследовательский опыт В.Х. Гильманова. Ценное и фундаментальное по своему замыслу размышление представил Л.А. Калинин, обращая наше внимание на воспоминания о дискуссиях с Владимиром Никифоровичем относительно различных вопросов логического кантоведения, предметных отношений между формальной и трансцендентальной логикой. Эта часть книги связана с одной из проблем, которой занимался Брюшинкин — с проблемой логических ограничений, на-

кладываемых трансцендентальной логикой Канта на логику формальную. Существенным аспектом философского интереса В. Н. Брюшинкина были сравнительные исследования западноевропейской и русской философии. Такого рода рассмотрению философских воззрений Бахтина и Бергсона посвящен материал некогда студента профессора Брюшинкина, а ныне — состоявшегося исследователя Г. Т. Кораева, сопровождаемый воспоминаниями об учителе.

В книгу включен раздел «Вехи основных событий творческой жизни В. Н. Брюшинкина» (сост. В. С. Попова). Хочется выразить благодарность Н. В. Андрейчук и Г. В. Сориной за ценные корректировки при подготовке этого материала. В данной части книги располагается фотоблок — важная составляющая мемориальной работы. Поиск и отбор изображений, их обработка, подписи — это отдельная рубрика, без которой трудно было бы представить мемориальную интенцию и дух этой книги. Некоторые иллюстрации привязаны к мемориальной главе и оживляют воспоминания о профессоре Брюшинкине и философской жизни, сложившейся вокруг него.

В завершение следует сказать, что выпуск монографии позволил нам в некоторой длительности и глубине вновь пережить ценные и незабываемые моменты своей и интеллектуальной истории и повседневности, которые были связаны с Владимиром Никифоровичем Брюшинкиным. И мы надеемся на то, что и дальше из года в год будут складываться такие благоприятные обстоятельства и значимые события, при которых снова будет звучать имя В. Н. Брюшинкина как замечательного философа, логика, педагога, дорогого памяти поколений калининградских и близких Калининграду философов.

Список литературы

1. *Рацио культуры и культура рацио: Памяти Владимира Никифоровича Брюшинкина* : коллективная монография / отв. ред.-сост. и науч. ред. В. С. Попова, Л. С. Сироткина, В. А. Чалый. Калининград, 2024.

ОБ АВТОРАХ

Афанасьев Михаил Вячеславович, лаборант-исследователь Академии Кантианы Балтийского федерального университета им. И. Канта, магистрант направления «Классическая традиция и русская философия» Высшей школы философии, истории и социальных наук (Калининград), afan_m1@mail.ru

Васюков Владимир Леонидович, д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Москва), vasyukov4@gmail.com

Жаренкова Полина Владимировна, бакалавр философии, Высшая школа философии, истории и социальных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), polina.jar2708@gmail.com

Калинников Леонард Александрович, д-р филос. наук, профессор, профессор Высшей школы философии, истории и социальных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград).

Капельчук Ксения Александровна, ассистент Института международного развития и партнерства Университета ИТМО (Санкт-Петербург), ksenya_ka@list.ru

Курочкин Дмитрий Алексеевич, магистр философии, главный юрисконсульт ПАО «НК «Роснефть»» (Москва), dmitriykurochkin@mail.ru

Малиюкова Ольга Владимировна, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва), o.maliukova@list.ru

Полатовский Станислав Андреевич, аспирант Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), para92@mail.ru

Попова Варвара Сергеевна, д-р филос. наук, профессор Высшей школы философии, истории и социальных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), varyud@mail.ru

Прись Игорь Евгеньевич, д-р философии, канд. физ.-мат. наук, ведущий научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси (Минск), frigpr@goog lemail.com

Пушкарский Анатолий Геннадьевич, аналитик Академии Кантианы Образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук» Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), pushcarskiy@mail.ru

Румянцева Татьяна Герардовна, д-р филос. наук, профессор, профессор Белорусского государственного университета (Минск), t.rumyan30@gmail.com

Сироткина Людмила Сергеевна, канд. филос. наук, доцент Высшей школы философии, истории и социальных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), lyusir.ru@mail.ru

Спасков Александр Николаевич, канд. филос. наук, доцент, заведующий отделом теории познания и методологии науки Института философии Национальной академии наук Беларуси (Минск), spaskov.a@mail.ru

Ставровский Игорь Константинович, младший научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси (Минск), tutoriks@gmail.com

Тесля Андрей Александрович, канд. филос. наук, доцент Высшей школы философии, истории и социальных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), mestr81@gmail.com

Чуешов Виктор Иванович, д-р филос. наук, профессор, профессор Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Минск), tchoue@mail.ru

Шапиро Ольга Александровна, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры сравнительных политических исследований Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Санкт-Петербург), shapiro.olha@gmail.com

Шульга Елена Николаевна, д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Москва), vasyukov@inbox.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1. История философии

Философия немецкого Просвещения

† Калинин Л. А. Философия Канта как наука	4
Сироткина Л. С. «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма» И. Канта: прочтение с точки зрения когнитивного подхода.....	10
Жаренкова П. В. Феномен рационального мышления в философии немецкого Просвещения	15

Русская философия

Полатовский С. А. Логико-эпистемологические основания философии истории Н. И. Кареева	20
Тесля А. А. О примечаниях переводчика к русскому изданию «Логических исследований» А. Тренделенбурга	25

Часть 2. Вопросы философской методологии

Васюков В. Л. Формальная феноменология праэлементов.....	30
Шульга Е. Н. Герменевтика философских текстов	34
Чуешов В. И. О дилемме институционализации и аргументации в интерпретации марксизма	38

Часть 3. Проблемы преподавания логики и дисциплин логического цикла

Малюкова О. В. О соотношении логической и риторической аргументации	42
Капельчук К. А., Шапиро О. А. Проблемы преподавания курса критического мышления как дисциплины логического цикла	46
Афанасьев М. В. История довузовского преподавания логики в Российской империи на начальном этапе становления системы образования	51

Часть 4. Философия сознания и искусственного интеллекта

Вопросы философии сознания

Румянцева Т. Г. Способы задания человеческой субъективности в классической и неклассической философии	56
---	----

<i>Спасков А. Н.</i> Темпоральная модель сознания	61
---	----

Философия искусственного интеллекта

<i>Пушкарский А. Г.</i> Гёдель, Кант и проблема искусственного интеллекта.....	65
--	----

<i>Курочкин Д. А.</i> Применение формальной онтологии для создания искусственного интеллекта.....	72
---	----

<i>Ставровский И. К.</i> Дуализм и проблема создания сильного искусственного интеллекта	76
---	----

<i>Прись И. Е.</i> О «новой этике» искусственного интеллекта М. Габриэля.....	80
---	----

События

<i>Попова В. С.</i> Презентация книги «Рацио культуры и культура рацио. Памяти Владимира Никифоровича Брюшинкина».....	83
--	----

<i>Об авторах</i>	90
-------------------------	----

ЛОГИКА, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФИИ

Материалы Всероссийской конференции
с международным участием
«Логико-философский семинар им. профессора В. Н. Брюшинкина»
23—25 января 2025 года

Под редакцией Л. С. Сироткиной, А. Г. Пушкарского

Научное электронное издание

Редактор *О. И. Бессчастнова*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Дата выхода в свет 27.11.2025 г.
Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 5,9